

Томъ XXI (годъ 11-й). 50 номеровъ въ годъ. № 6. Выходитъ по четвергамъ. 3-го февраля 1868 г.

Гг. городскихъ поддисчиковъ просятъ адресоваться со своими требованиеиами въ контору «Иллюстрированной Газеты», въ Главное Депо фотографическихъ принадлежностей А. О. Баумана, на Невскомъ просп., д. Голландской церкви, № 20, Гг. иногочудные поддисчики адресуютъ свои письма и посыпи: въ редакцію «Иллюстрированной Газеты».

B. Р. Зотову, Литейной, № 38-й.

ГОДОВАЯ ЦЕНА СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ 7 РУБ., СЪ ПЕРЕСЫПКОЮ ВЪ ВСѢ ГОРОДА 8 РУБ., НА ПОЛГОДА 5 РУБ.

ОГДѢЛЬНЫЕ НУМЕРЫ ГАЗЕТЪ ПРОДАЮТСЯ ВЪ КОНТОРѢ по 15 коп., а съ пересыпкою у комиссаровъ по 20 коп.

СОДЕРЖАНИЕ: Отъ редакціи.—Крыловскій юбилей.—Внутренне обозрѣніе политики.—Пренія французского дворянскаго собрания о свободѣ печати.—Россія.—Погребальная манифеста Нарка Шампона.—Сталелитейный заводъ Крупна, въ Эссенѣ.—Дочь и ма-менька.—Вашингъ.—Шавлинъ-лира.—Женская мода въ

1868 году.—Развалины и курганы на озерахъ Суринама.—Петербургскія письма.—Разныя извѣстія.—Невро-логъ.—Объявленія.—Петербургскія биржи.—Ребусы.

РИСУНКИ: Памятникъ И. А. Крылова — Россія.—Сраженіе при Перу-Гуз. Атака бразильской кавалеріи въ

перала Андраде-Невесъ.—Паркъ Шомонъ.—Сталелитейный заводъ Крупна, въ Эссенѣ.—Большая арка моста въ Баселе.—Басель.—Парижъ-лира.—Ворота къ храму Симона въ Шомонѣ.—Женская мода въ 1868 году.—Карикатура.

ГГ. ПОДДИСЧИКАМЪ.

Мы только что отправили вторично до сотни послѣднихъ номеровъ нашей газеты за прошлый годъ, неполученныхыхъ нашими поддисчиками, и начали уже получать жалобы на недоставленіе первыхъ номеровъ нынѣшняго года. Газета наша, какъ издание *съ картинами*, имѣетъ привилегіи издавать въ почтовыхъ конторахъ чаше другихъ журналовъ. Поэтому, для отраженія интересовъ самихъ гг. поддисчиковъ, мы просимъ ихъ: въ случаѣ неполученія какого-либо номера нашей газеты, подождать высылки слѣдующаго, по-тому попросить то почтовое мѣсто, откуда выдается газета — за свидѣтельствовать, что такой-то номеръ не полученъ и отправить эту записку на имя редактора; или, въ случаѣ отказа въ выдачѣ подобного свидѣтельства — увѣдомить и обѣть редакцію. При соблюдѣніи этого условия номеръ будетъ высланъ немедленно и вторично, а о причинахъ недоставленія его, здѣшнія экспедиція, всегда аккуратно разсылающая изданія, сдѣлаетъ изслѣдованіе. Но, повторяемъ еще разъ: соблюдение приведеннаго выше условія положительно необходимо для размыкания причинъ недоставленія изданій, и безъ присыпки въ редакцію почтовой записки или свидѣтельства поддисчика о неполученіи такого-то номера, или отказа почтоваго мѣста выдать удостовѣрение въ недоставленіи — жалоба не можетъ быть изслѣдована. При подобныхъ жалобахъ просимъ также гг.

поддисчиковъ всякий разъ выставлять свой полныи адресъ (или присыпать напечатанный на экземпляре отправляемыхъ номеровъ), не скрывая ни то, что «адресъ извѣстенъ редакціи», такъ какъ отыскиваніе этого адреса въ конторскихъ книгахъ отнимаетъ времени и еще могутъ встрѣтиться ошибки, особенно если поддисчик расчеркнулся на письмѣ такъ, что и Шампонару трудно разобрать его иероглифы. При этомъ еще разъ просимъ гг. поддисчиковъ не изъявлять на настъ претензій за недоставку номеровъ, таъкъ какъ намъ нѣть ни выгоды, ни причи-

ны задерживать отдѣльные пумера, и обязанности редакціи оканчиваются у порога газетной экспедиціи, куда сдаются всѣ экземпляры изданія, подъ росписку чиновника. За пересыпку газетъ не можетъ отвѣтить ни какая редакція, какъ не отвѣтить за то, что посланное ею письмо будетъ доставлено. И газеты и письма пересыпаютъ одно и тоже учрежденіе и за неполученіе газеты также несправедливо обвинять редакцію, какъ и за не-полученіе письма — стѣновать на того, кто писалъ это письмо.

Крыловскій юбилей.

2-го февраля праздновался стотій юбилей рождения замечательнаго нашего баснописца Ивана Андреевиця Крылова. Представляя читателямъ его памятникъ, скажемъ несколько словъ о литературной деятельности Крылова и о его значеніи въ истории русской литературы и въ жизни русского общества.

И. А. Крыловъ занимаетъ одно изъ почетнейшихъ мѣстъ въ исторіи нашей литературы и, вмѣстѣ съ Гоголемъ, Пушкинымъ и Белинскимъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ свѣтлыхъ именъ, за которыми вся масштаба Россіи признаетъ великую заслугу: имъ обязано русское общество первыми шагами на пути своего разви-тия, и развитія самостоятелыаго, а не рабско-поддражательного, какимъ оно было до тѣхъ поръ. Иностранному вѣдомью отведено уже мѣсто въ исторіи развитія русского общества — за нихъ признаны неоиспорнныя заслуги: оно подготовило общество къ развитию, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Продолжительное было это вліяніе, но, наконецъ, Россія почувствовала себя въ силахъ идти въ одной по избранной ею дорогѣ. Не было только людей, которые могли бы направить ее, вести ее за собою въ области слова и мысли; но нашлись и такие люди. Крыловъ однимъ изъ первыхъ откликнулся на этотъ зовъ, и неизвѣстный чиновникъ тверскаго магистрата смѣло выступилъ на литературное поприще. Долго не

Памятникъ И. А. Крылова.

могилью, привнес желания, принести посыпку на голову русскому обществу, попасть на свое истинное изгнание. Он писал в трагедии, и поэмы, и комедии, но это было слабо и неиздранно, хотя и в этих произведениях видны слады несомненного дарования. Наконец, по совету другого своего, баснописца Дмитриева, начал писать ои басни и с тых пор не покидал этого рода позывов, совершенствясь в нем самъ и доводя его до совершенства. Крылов умръ в 1844 году, но на всегда останется безсмертным. Басни его будуть лучшими его памятником и на всегда останутся драгоценнейшим приобретением нашей литературы. Отъ самого Крылова никогда не отнимается та заслуга, что онъ былъ первымъ и лучшимъ русскимъ писателемъ и, главное, писателемъ народнымъ.

Действительно, главное достоинство басеней Крылова, хотя в них вообще весьма много достоинств — это именно народность, которой они проникнуты от первых строк до последней. Время, деятельность Крылова было временем полного преобладания французского элемента в развитых классах общества. Принеси к нейкотрую долю пользы, влияние это только тормозило развитие России, что называли в то время лучи лирического света. Против этого неестественного положения дѣлъ, державшагося только благодаря долгой привычки и рабскому подражанию общимъ прокрастинации времени, Крыловъ возсталъ всемъ силамъ своего громадного дарования. Понятие басенщика на литературномъ поприщѣ было встрѣчено всѣми, любившими Россію и заславшими ей поэмы, романы и привѣтствія. Близкій первый появился и онъ самъ Крыловъ. Онъ сказалъ объ немъ: «Всікий человѣкъ, выразившій въ искусствахъ жизнь народа, или какъ-нибудь изъ си сподѣлъ, есть существо велико, потому что онъ, свою жизнью выражаетъ жизнь вселенскую». Крыловъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Онъ басонисше — но это еще не важно; онъ поэтъ, но не въ этомъ его значеніе; онъ басонисше и поэтъ народный — вотъ чѣмъ его величіе! Смѣя и право помочь Крылову по избранному имъ пути и снимъ многостороннимъ талантомъ, воспоминать о немъ тогдашней общественной жизни, которая всѣ нуждалась тогда въ сильномъ исправлении, если не въ радикальномъ измѣнѣніи. Нравцонное, неправильное воспитаніе, дававшееся въ тѣ времена, недостатокъ правильного пониманія гражданскихъ обязанностей, бывшій причиной многихъ золъ — все этого и честно обсуждали Крыловъ въ своихъ басняхъ и въ такихъ изъ нихъ, какъ «Бочки», «Орёлъ и пчела», «Кукушка и гораши», сказаніи гораздо больше, чѣмъ въ цѣлыхъ многотомныхъ трактатахъ... Много было написано въ нашей литературѣ о басняхъ Крылова и о его значеніи; наша статья не прибавляетъ ничего ко всему этому, но мы не можемъ не сказатьѣ юбжескихъ словъ въ память этого человѣка, высокого дарованія и честного во всѣхъ сторонахъ своей поченной жизни и полезной физической. Пожелаемъ божиимъ русской землѣ такихъ людей и они передадутъ всѣхъ въ свою стремленія къ дѣламъ, но славной цѣлѣ — общему усовершенствованію.

Падграбинский памятник Крылова находится въ Александровской-лаврѣ, съ правой стороны кладбища; при входѣ въ монастырь. Памятникъ этотъ весь изъ чёрного мрамора, рѣзко отѣльяется простотой и строгостью своихъ очертаній отъ пишныхъ памятниковъ, его окружающихъ. Надпись на немъ таѢ же проста, но одинъ числа изъ его рожденій и смерти говорятъ громче всевѣхъ краснорѣчивыхъ фразъ о томъ громадной пользѣ, которую онъ принесъ русской землѣ. Вотъ эта

Иванъ Андреевичъ
Крыловъ.

Крыловъ.
Родился 2-го Февраля 1768 года.

Скончался 9-го ноября 1844 года.

О празднованіи юбилея Крылова скажемъ иѣ-
сколько словъ въ другой разъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

Голода въ Архангельскѣ. — Въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостахъ» напечатано: «Великобританскій консулъ въ Архангельскѣ, г. Рени, представилъ въ пользу вдовъ и дѣтей крестьянъ

ского сословия здешней губернии, собранный имъ Англии во подшисъ деньги, во сумму шести тысячъ рублей. Это проявленіе гуманности за-
луживаетъ полную признательность со стороны
этого общества. По имъ начальника губерніи
получено изъ Петербурга 1,200 р. для раздачи
настрадавшимъ отъ неурожая. Благоворители
западнаго

Сыр-Дарьинская-область.— Русской Извадль-
ской, по новому захвату подпоручика Слу-
женико, о замещении военного губернатора Сыр-
Дарьинской-области назначить жителю разбойни-
ческого ауда Уммы (волости Богдан-Ата), за уча-
стие в нем и клятвенно доказав, и тым положить
предъявили беспорядок, разбоями, беззакония-
ми всю окрестность и изменившим центром этого
разбойнического ауда. В настоящее время на-
шлось взять Сыр-Дарьинскую-область, что экспло-
атация эта состоялась. Начальник джузакского
отряда, подполковник Абрамов, получив изве-
стие о прибытии в Богдан-Атанскую волость бу-
харского общинной полоты и став 1.000 че-
ловек бухарцев, напал это время сильным
ударом для нападения и посыпал ст. этого цыль-
марка Штеменса с 2-го ротами эскадронов, 2-ми
сотнями казаков, 2-ми облегченными орудиями и
4-ми ракетными стаканами. Майор Штеменс
выступил с отрядом из Илы-Курганы 30-го
сентября, сдавши переход в 35 верст, донося
до ауда Буха-Хана, находящегося в 16-ти вер-
стах от Уммы, и оставил здесь артиллерию при
двуих ротах, с остальными войсками двинувшись
к цели экспедиции. Жители, предупрежденные
о движении нашего отряда, разбрзгались и ушли
в горы, недоступные для войны, не помышляя

Положение медицинских студентов. — Г. Позорищ
обновь пишет съзывающую въ «Биржевыхъ Вѣ-
сомостяхъ»: «Большинство нашего общества во-
обще весьма мало знакомо съ материальными по-
зициями нашей молодежи, воспитывающейся въ
высшихъ петербургскіхъ учебныхъ заведеніяхъ,
которые, правда, и виновны (конечно) въ линействѣ».
Правда, едва ли многие сомниваются въ томъ, чѣ-
мь большинство студентовъ бѣдо, голодаютъ, живутъ
въ плохихъ квартирахъ, часто только полуодѣты
пр., но, едва ли многимъ известно, въ какомъ
мѣнно степени молодежь эта лишина возмож-
ности удовлетворять самыя необходимыя по-
ребности своего дневнаго существованія. Намъ
кажется, что общество не можетъ и не должна
занудливо относиться къ материальному бытъ
этой молодежи, которая составляетъ наилучшее чи-
твенное богатство, наилучшій интеллектуальныи
актъ этого общества, которая составляетъ, нако-
не, единственный источникъ, изъ котораго
общество можетъ погрѣбать въ обществѣ по-
спась средства удовлетворять своимъ, самимъ
съзывшимъ соціальнымъ потребностямъ и такимъ
образомъ упрочивать свое собственное благосо-
光荣.

В настоещее время я имѣю въ своихъ рукахъ
занятія, которыя лучше всякихъ разлагательствъ
авѣт могутъ ближе и вѣрнѣе познакомить читате-
льство съ материальными бытотъ студентовъ меди-
ко-хирургической академіи. Данные эти собраны
мною въ качествѣ врача медицинской академіи з
866—67 градуминской года.

В этом году, среди них, в академии студентов состояло 789; из них студ. медицины 622; студ. ветеринарии 75; студ. фармации 83. На 100 человек всего научно-педагогического состава, включая 100 человек, было 44,1%. Из этого числа 22,56% поступали в госпиталь и клиники, 31,54% лежали при прохождении. На 100 заболевших внутренней болезнью дали 57,28% смеси-литески - 17,44%; глазные - 14,82%; хирургическая - 6,19%; наклонные - 4,36%. Студенты различных специальностей дали неодинаковый процент заболеваний, а именно: на 100 студ. медицины заболевших 49,03%; на 100 студ. ветеринарии 8,67%; на 100 студ. фармации 12,03%. Таким образом, самой большой процентом заболеваний были студ. медицины, а наименьший студ. фармации. Кромъ того, больше половины заболевших студентов медицины лежались при прохождении, тогда как из заболевших студентов ветеринарии и фармации 5% поступали в клиники и госпиталь, а остальные 95% лежали при прохождении. При этом в большинстве случаев из-за наклона права утверждать, что студ. медицины страдали болѣе легкими формами болѣзни, нежели студ. ветеринарии и фармации; наоборот, весьма нѣрѣдо мед. студ. лежали при прохождении из-за острѣйших болѣзней, которых иногда болѣе недѣль сопровождались значительными лихорадочными состояніями; тогда как студенты ветеринарии и фармации весьма нѣрѣдо поступали в клиники с относительно весьма неизчезаемыми заболѣваніями. Фактъ этого и нашихъ наблюдений, обясняется тѣмъ общепонятіемъ, что студенты медицины имѣютъ чисто много обязательныхъ и срочныхъ занятий въ анатомическомъ институтѣ, клиникахъ и лабораторіяхъ; кромъ того, вѣкъ отъ нихъ въ этомъ, еще извѣстныхъ частныхъ занятияхъ (уроки перевода, переноска бумагъ и пр.) дающіи имъ средство къ жизни. Всѣдѣствіе этого медицинскіе студенты иногда по долгу перемѣщаются, жестятся на ходу, тратятъ свой скучный заработокъ на закупку, лишь бы не заняться тобъ или другимъ работой, лишь бы не пропустить тѣхъ или другихъ обязательныхъ и срочныхъ занятий; эти же причины часто заставляютъ медицинскихъ студентовъ оставлять клиники и госпиталь гораздо раньше, чѣмъ они успѣютъ вполнѣ излечиться отъ своей болѣзни. Студенты же ветеринарии и фармации вообще имѣютъ гораздо менѣе обязательныхъ занятий; поступаютъ въ академию они гораздо мѣнѣе научного подготошенія и поэтому, поступивъ, рѣдко разсчитываютъ на старые занятия (уроки, переводы). Всѣдѣствіе этого студенты эти поступаютъ въ академию, *сразу же*, уже *исключительно* материально обеззпеченные, чѣмъ медицинскіе студенты.

ности. Таких из 100 студентов медицины заболевало внутренними болезнями 29,36%; газами 7,80%; сифилитическими 7,20%; хирургическими 3,37%; наложими 1,30%. Из 100 студентов ветеринарии внутренними болезнями заболевало 10,67%; газами 2,67%; сифилитическими 18,67%; наложими 6,67%, и хирургическими 0. Из 100 студентов фармации внутренними болезнями заболевало 8,43%; наложими 2,40%; сифилитическими 1,20%. Газами и хирургическими 0. Таким образом, студенты медицины преимущественно страдают внутренними и газовыми болезнями. Между различными внутренними болезнями, которыми страдали студенты, хронические желудочно-кишечные каматы составляли треть (31% из 100) всех внутренних заболеваний. Это, быть может, из первых взгляда необычно явление, видимо обусловливается тем лицом, которому нанесены болезненности студентов. Обыкновенная плата за обилье на Выборгской стороне, где живут и особенно обитает большинство студентов, простирается от 6—7 рублей в месяц. Но некоторые из студентов не каждый день имели возможность пользоваться и таким обильдом, и не всегда приходилось бывать дома, и не всегда приходилось бывать дома, как это нам достоверно известно, несколько дней подряд ввиду однинх хлебомъ от прибывшаго прогородного коровьего молока. А руки же можно допустить, что чрез продолжительное время, будь находиться в таких неблагоприятных условиях, тѣло легче онѣ будет подвергаться заболеваниямъ; наблюдение вполнѣ подтверждаетъ такое априорическое предположение. На 100 студентовъ 1-го курса было 42%; 2-го курса 44; 3-го курса 51; 4-го курса 62 и 5-го курса 25. Относительно небольшой процентъ заболеваний из 5-го курса объясняется тѣмъ, что студенты этого курса во всѣх обращаются к врачу, и легкия осты и легкие болезни лечатъ обыкновенно сами. Практикъ заболеваний для 2-го курса повышается до 57,83% на 100, если мы сдѣлимъ расчлененіе только для студентовъ медицины; студенты ветеринарии и фармации, составляя, по числу, треть наименее состава студентовъ 2-го курса, даютъ только 9% заболеваний на 100. Этотъ высокий процентъ объясняется темъ, что студентъ 2-го курса, сравнительно с 3-м курсомъ, значительно больше с трупами.

Впродолженіе года умерло на 100 различного состава студентовъ 1,28%; на 100 заболевшихъ 2,90%. Но такъ какъ умершие все были студенты медицины, то на 100 различного состава студентовъ медицинскіе смертные случаи составляютъ 1,60%, и на 100 заболевшихъ студентовъ медицины 3,28%. Правда, что цифра смертности, сажа на себѣ, не особенно велика; но мы должны забывать того обстоятельства, что мы имеемъ дѣю съ молодежью отъ 18-ти до 25-хъ-летъ возраста — самая лучшая пора физического здоро-вья, въ 10-ти умрало отъ легочной чахотки; съдовательно, 60% на 100. Причины такого громаднаго разви-тия чахотки заключаются во всей материальной обстановкѣ студентовъ. Выборгская сторона, къ которой приносятъ большинство студентовъ, къ академии и отъносительно дешевизной квартиръ, заселена, кѣи избыточно, полуразвалившимися, вросшимися въ землю лачугами. Каждая изъ нихъ разбита на пятькомъ, въ большинствѣ случаевъ, сырьими подошвенно-шитыми кѣтками, почему-то называемыми комбатами. Зимою эта кѣтка не проходитъ и погружается наискось безъ всякой вентиляции, часто съ трещинами въ полу. И въ такихъ кѣткахъ помѣщается большинство студентовъ! Приводятъ къ этому весьма скучнуюницу, которую питаютъ студенты, одно, въ большей части случаевъ, незамѣнное пальто для зимы и лыжи, ежедневно за-вѣняя съ 8-ми часами утра до 2-хъ и 3-хъ часовъ въ академии, и притомъ занятия въ больницахъ и съ разложившимися трупами, и вы будете вѣрять прекрасно подготовленію почвы для развития легочной чахотки.

Въ заключеніе, не могу не указать на одну мѣру, выполнение которой могло бы, по моему мнѣнію, способствовать болѣе или менѣе значительному уменьшению случаевъ заболеванія и вообще улучшению материальнаго быта студентовъ Медико-хирургической академіи — это постричь дома съѣзду доставить студентамъ возможность имѣть

недорогое, но свѣтлое и несыреющее покрытие. На Выборгской-сторонѣ медико-хирургическая академія издаѣтъ довольно болѣзнь пространствомъ, начиная съ земли. Академія, по ее вѣроятности, не нашла бы, со своей стороны, болѣшь престижіи въ томъ, чтобы удѣлить часть этой земли для постройки подобного дома.

Подробный отчетъ печатается въ «Клиническомъ сборнике» профессора С. П. Боткина. Сборникъ этотъ скоро появится въ печати.

ПОЛИТИКА.

Франція. — Французское правительство понимо, что, не учинивъ и не уничтоживъ себя, оно не можетъ покориться требованию реакции и Гранде-Касильиана, возставшихъ противъ закона патентъ. Нельзя было забыть обѣщаній, данныхъ императоромъ въ январѣ прошаго года. При мозгахъ Руа реакціи, впродолженіи трехъ дней, надѣялся на побѣду. Вокругъ императора промѣхала сильная борьба партий, и полагали даже, что реакція соединяется тайнымъ его мыслимъ и здравымъ разсудкомъ, на конецъ, восторгомъ-вѣдѣ. Руа и товарищи его понимали, что, подозрѣвъ отставку, они не могли въ третий разъ исполнить свое мѣнье.

Засѣданіе 4-го февраля должно было рѣшить все, въ чёмъ было захвѣтъ съзывное движение. Въ избранныхъ кружкахъ говорили уже обѣстѣвъ Руа и о замѣнѣ его Гудрь-Петропольскимъ кабинетомъ. Первый ораторъ въ этомъ дѣлѣ, Баронъ Бенуа объяснялъ, что почитающій новый законъ опасенъ для Франціи, для Европы, для всего мира. Бодувъ спокойно бурно, Бенуа со了自己的 словами рѣчи послѣднѣе мѣсяцы молчалъ. Послѣ него говорилъ Руа. Онъ затруднился въ словахъ и былъ вообще въ состояніи ясно лѣзть, что происходило въ эти дни. Правительство снова рассуждало о несвоевременности закона патентъ, но потомъ рѣшилось поддерживать свое предположеніе. Съзывное правительство, сказавъ — никогда не должно отступать передъ притесненіемъ со стороны обезвластителей. Оно не боится. Если партии не обезвластены, то императоръ будетъ умѣть поддергивать ихъ, а въ случаѣ нужды, поддерживать его и собрати. Послѣ этого долгъ большинства посвѣдѣвалъ за правительство. Четыре миллиона голосовъ поддерживали его, въ еще столько же сблизивъ ихъ. А потому министръ умудрился большинство не отдать изъ-подъ правительства.

Послѣ рѣчи Руа рѣшено было кончить обѣзъ пріемъ, и законъ принять быть большинствомъ 215 голосовъ противъ 7. Такимъ образомъ Франція приобрѣла небольшую свободу. Типографія въ книжна горога будуть свободы, и это уже прогрессъ, съ которымъ можно поздравить Францію.

Это событие привело Парижъ въ истинный восторгъ, и правительственные газеты бѣгло всѣхъ выразили его. Однако, это вовсе не такъ погода, которая была имѣна въ прогрессъ общества. Рѣшеніе 4-го февраля сдѣлали заѣйтъ видимое мѣсто въ исторіи. Это простое и даже слабое возвращеніе къ принципамъ права, установленнымъ въ 1789 году и отнятымъ Луи-Филиппомъ. Конечно, породившись, что правительство какъ бы извѣнилось въ своихъ прежніхъ строгостяхъ, но сама эта радость могла бы быть выражена скромнѣе.

Въ засѣданіи 6-го февраля разсмотрѣна была и 3-я статья закона о штрафахъ и брошюре; Генералъ усманъ Юбъ Фавръ, Геру, Даримона и Генжана были освобождены для ученія этого закона.

Приводили также, чтобы судъ по тѣзкамъ печати производился судомъ присяжныхъ: разумѣется, производилось бы отвергнутое большинствомъ 199 голосовъ противъ 33-хъ. Беррье представилъ поправку, чтобы производство суда въ слѣдующей степени въ зданіи производилось по законамъ старшинства, не пропуская. Это дѣло бы имѣло большую независимость, а печати больше гарантіи. Конечно, и эта поправка отвергнута.

По случаю статьи закона о печати, воспрещающей печатать статьи лицамъ, которые не допускаются въ предѣлы Франціи, обнародованы сѣ-
дующія статьи, заимствованы изъ сочиненія Наполеона III:

«О, вы, которыхъ счастіе сдѣлало геніостями, которыхъ никогда не страдали отъ мученій изъ отечества, вы думаете, что легко лишить человѣка родину! Знаите же, что изгнаніе составляетъ вѣчное мученіе и даже смерть: не славно и блестательна смерть падшихъ за отечество, но ту сковѣнную смерть, которой подвергаются люди, отжившіе свой югъ посреди семейства, но медленную, разрушающую и отвратительную, которая ведетъ въ пустынную могилу. Изгнанникъ, истинный парижъ новѣйшихъ обществъ, если ты не хочешь, какъ говорятъ Гораций, чтобы сердце свое ежеминутно разрывалось, чтобы ты облекъ въ броню своей добродѣти, и чтобы грудь твой, прикрытая трофеемъ мѣдалью, была недоступна всѣмъ волнамъ жизни, которымъ будешь тебе обуревать на каждомъ шагу — не предавай никогда изгнаніемъ своего сердца, симпатическихъ влечений, которымъ напомнили бы тебѣ о твоихъ соотечественникахъ; они съ ругательствомъ придутъ къ тебѣ и спросятъ: съ какою право, ты, изгнаникъ, смѣши выражать мнѣніе по дѣламъ твоего отечества, къ какого права смеешь позаказать, или раздавать вѣѣть съ склонами гражданами? Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если узиши, что онъ говорилъ тебѣ о твоихъ близкихъ, которые ты любилъ, если склонишься къ нимъ, то ониъ склонятся къ тебѣ, если ониъ склоняются къ тебѣ, ониъ потягиваются щѣдрые отъ тебя, и ониъ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провелъ прежнюю жизнь, или двѣтво, останови восторгъ, увлекающій тебя къ нему; не проглатывай руки, они потягиваются щѣдрые отъ тебя, и онаѣ будутъ прѣзъ, потому что это присношение зараженнаго, твоей почтой, какъ дыханіе пустыннаго вѣтра, умирощаетъ все, въ чемъ ты прикоснешься. Если ты встрѣтишь изъ иностранной почты одного изъ тѣхъ, къ которымъ ты провел

эта болезнь продолжается более ста лѣтъ, и если дѣйствительно врачи не отыскали лекарственных средствъ, то не худо бы прибѣгнуть къ тѣкущимъ спасительнымъ спаѣшкамъ. Они не видятъ необходимости отдѣльть Англию отъ Ирландіи, и подобное событие означало бы только, что Англия не умѣла удовольствоваться существеннымъ потребностямъ Ирландіи. Уничтожить такъ называемую господствующую церковь и установить крестъ — собственниковъ: вотъ чего требуетъ простотъ здраваго смысла, и этого достаточно для воззрѣнія новой союза Ирландіи съ Англией. Да и уничтожить господствующую церковь не значило бы лишить ее всѣхъ имѣнійъ доходовъ, а только создать полное равенство для всѣхъ биронскійцевъ. Чѣмъ же касается до ноземельного права, то Брайтъ жалуетъ бы въ этомъ отношеніи принять систему Пруссіи, «Times» и газеты гори не одобряютъ Брайта. Къ сожалѣнію, они ничего, вымѣсто этого, не предстаиваютъ, то есть, подобно горди Стенли, признаютъ зло, но не знаютъ средствъ изълечія.

Швеція. — Комиссія шведской палаты, большинствомъ въ-милостиво пропустивъ 7-ми, рѣшила вопросъ объ уничтоженіи смертной казни. Этотъ решеніе пріимано, несмотря на объявленіе министра юстиціи барона Геера, что онъ считаетъ необходимымъ сохранить ее во всей своей силѣ.

Италия. — Но славу посѣдѣній событій, совершившихся въ Италии, распространяли слухи, будто король Виктор-Эмануилъ намѣрѣнъ прекратить ихъ посредствомъ государственного переворота. Тендеръ короля даѣтъ на эти слухи ясный и достовѣрный отвѣтъ. Туринскій муніципалитетъ представилъ ему поздравительный адресъ по поводу предстоящаго брака принца Губертуса. Король отвѣчалъ на этотъ адресъ: «И жалуйтъ, чтобъ празднества брака проходили въ Туринѣ, гдѣ отъ мой дѣлъ конституціи, гдѣ я обнажилъ мечъ за национальную независимость, гдѣ я раздѣлъ и радость и скорбь своихъ согражданъ и гдѣ торжественныя присяги поддерживать и защищать свободу отечественныхъ узаконѣній. Послѣ этихъ словъ итальянцы могутъ успокояться и не сомнѣваться въ своемъ королѣ, какъ бы ни уговорили его изъ Тибери вступить на начальную путь диктаторства.

Прекія французскаго законодательного собрания о свободѣ печати.

(Окончаніе).

Приводимъ главныя мѣста изъ рѣчи Жюля Симона.

«И приверженцы полной свободы печати. Я не всегда держалась этого убѣждѣнія, но во всемъ стечьніи, и на пути свободы то же, какъ во всѣхъ другихъ путяхъ. Нынѣшнее правительство заставило меня поставить все достоинство свободы. Мѣры, принимаемыя противъ печати, бываютъ предварительными, или карательными. Первые подразделяются на два раздѣла: подавляющіе свободу и на ограничивающіе ее. Подавляющая состоится предварительными дозволами и цензурой. Предварительная мѣра готова прекратиться. Что же касается до цензуры, то она не существуетъ для газетъ и туземныхъ книгъ, а только для театровъ, для гравюръ, для литературныхъ произведеній, получаемыхъ изъ чужихъ краевъ. Послѣдній пунктъ очень важенъ. Уничтожка предварительные мѣры для Франціи, вы оставляете ихъ для иностраннѣй газетъ. Вы останавливаите иностраннѣю газету по приказанию министра внутреннихъ дѣлъ, и никто не знаетъ, за что. Говорятъ просто: «Times», или «Independent Belge» задорожны. Можно поразить иностраннѣю печать, но не всеобщую. Можна поразить иностраннѣю печать, но не всеобщую. И неизвестно, кто изъ всѣхъ династий требуетъ свободы. Кто изъ всѣхъ правительства. Отъ монархіи требуютъ воздерживаться отъ того, что всѣго опаснѣе, именно — отъ виновнаго самовластія. Отъ Республики требуютъ гарантій противъ того, что еще опаснѣе — деспотизмъ парламентъ.

«Каковъ же място во всѣхъ этихъ системахъ занимаетъ свобода печати? Она необходима, потому что это свобода мысли. Когда начнешь хотѣть сама управлять себѣ, надо, чтобы она эта была свобода, чтобы выѣхалась свободно и наставлена на исполненіи своей роли: слѣдовательно, свободы печати теоретически и практическіи сама необходима, хотя очень трудно достигнуть ее. Еще Пліний говорилъ, что человѣкъ — это существо дышащее всего отъ природы; она беретъ у живыхъ все, чего ему недостаетъ. Брошенный на землю, она снерѣ скрывается въ скалахъ, разрывается въ нихъ, и создаетъ ливійскіи подземныя жилища. Потомъ, стремясь къ себѣ, она воздѣлываетъ египетскіе пустыни, которымъ удивляется наше поколіе, поднимаетъ и Парѳононъ. Но въ природѣ занятіи, которымъ удивляется наше поколіе, она въѣхала въ общность морей, строитъ плавающіе здания огромныя храмы; обходитъ всю землю и вѣдѣ прискаиваетъ себѣ наслажденіемъ:

и/и потребности. Она учитъ и отвѣтствуетъ, что земля, на которой она родилась, составлять шагъ и возвращается до тѣй мірозданій. Она дѣлаетъ больше, и обуваетъ природу, обудзываетъ самого себя. Она дѣлаетъ саммъ крѣпкимъ существомъ, послѣ того, какъ было саммъ дикимъ и неуправляемымъ: дѣлается Винцентомъ-Полемъ. Она смягчаетъ права даже въ самихъ битвахъ; дѣлается великодушнымъ Барромъ и добрымъ Дезе, который, будучи равенъ въ сраженіи при Кейзѣ, бросается на содара, поразившаго его, не для того, чтобы умертвить, а чтобы прикрыть собой противъ осточестій собственныхъ своихъ воиновъ. Вотъ что дѣлается изъ этого существа, первоначально дикаго, но потому самаго благороднаго, начавшаго съ нынѣшнеста и окончнаго тѣмъ, что превратился въ обладателя всего мира. Каково же способностью привлечь онъ вѣтъ чудеса? Слово мысль. Какіе средства имѣлъ человекъ для исполненій этихъ чудес? Прежнѣй вѣзъ и во всемъ, подъ разными наименованиями: въ наукахъ, въ философіи, во всей умственной деятельности, даже въ самой религіи и политикѣ. Всегда и обо всемъ спорятъ и это составляетъ вторую natuру человѣка. Пріеніи составляютъ условіе общества, не только въ царствованіи свободы, но даже и въ древніхъ монархіяхъ. Мы знаемъ, сколько въ нашихъ библиотекахъ собрано памфлетовъ временъ фронды и виной за религію. Слѣдовательно, привесъ условія прогресса. Вы согласитесь, что наука должна быть свободы, а въ человѣческихъ дѣлахъ обсужденія и наука принацрѣватъ ко вседенійскому интересамъ. Наука разматривается въ книгахъ, и теоріи, которая кажется во вседенійской печати опасною, свободно обсуждается въ книгахъ. Вы можете запретить въ книгѣ разсудить о разныхъ формахъ правительства. Даже въ вашемъ законодательствѣ вы разумѣаете статью вседенійской печати какъ въ книгѣ. Если въ книгѣ более 10-ти листовъ, т. е. 160 страницъ, вы обожаѣтесь ее отъ залога, отъ штемпеля, отъ отвѣтственнаго редактора. Вы это относите къ драмѣ монархіи вѣзда столы же, сколько и вы: она обнародовала «Духъ законовъ» и «Общесточный контрактъ». Это были самыя смѣлые памятники национального ума и духа теоріи. И я спрошу васъ: газета вседенійская газета изъвозновала людѣй бѣгѣ, неожиданно для вѣкія?

«Чтобъ удовлетворить возрастающей потребности просвещенія, новѣйшее время создало новый способъ публичности, а именно, вседенійские газеты. Наша книга всій день книга, составляемая вседеніемъ и даже по два раза въ день, и не такимъ людьми, которые разыгрываютъ сразу обсужденіе свое произведеніе, но множествомъ людѣй, удаленныхъ другъ отъ друга, говорящихъ обо всёмъ, о мирѣ, о войнѣ, о личностяхъ. Эта вседенійская книга составляется подъ вѣзьмой со всѣхъ частей свѣта, посредствомъ пароходъ и электрическіхъ телеграфовъ, начинаясь она въ ночь парохода, разносится по трупѣ пароходъ и перебѣгаетъ огромными простираніями. И вы хотите, чтобы мы остались безоружными передъ такою силой? Конечно, вѣтъ. Но я не хочу ни для кого безнаказанности. Если вы хотите быть справедливыми, а на вашей сторонѣ; но берегите. Надобно очертить границы, простираясь съ величайшей осторожностью, потому что если вы будете дѣлать это, только простираясь слѣдами, въ походѣ сильныхъ, то будете дѣлать это, насыщенно и самы представлять злѣніе бѣзсмысли. Но если вы охраните великое интересы достаточно ясными законами и предписаниемъ, какъ дѣлаетъ агентство публичной власти, то надо устроить такъ, чтобы сужденія были совершенно свободны. Очевидно, что агенты власти не должны подвергаться опасностямъ. Но я не понимаю, чтобы, дѣлать отчизну свободу превѣтъ, отнимая ее потомъ въ подсобныхъ. Вы говорите, что можно обсуждать и дѣлать мнѣніе. Но тотчасъ же прибавляете, что разсѣдѣющий можетъ возбудить вензельѣ и письмены къ правительству, въ одинъ изъ важнейшихъ опицѣвъ. Могу ли я отвѣтъ и представить злоупотребленію мнѣнія? Нѣтъ, не могу, не подергась обиженіемъ, что возбуждаютъ письмены и предписы къ правительству. Но вашъ системъ, чѣмъ важнѣе будетъ опицѣвъ, тѣмъ болѣе министерство должно быть ограждено.

«По принципамъ 1789 года, публичность служитъ дозволеніемъ. Почему? Потому что, если обви-

венный должен иметь своих судей, то и суды, в свою очередь, подвергаются суду общественного мирия? Это превосходно выражал защитник Лудовика XVI, сказав: «потомство будет судить ваше приговор».

Истинный судья называет судью — это общественное мирие. Как же незапретите вы тогда и публичности?

«Я признаю, что предложенный закон предполагает два улучшения: отмену предварительного дознания издавать журналы и уничтожение предостережений, которые были тою же цензурой; но не принуждайте меня сказать, что свободы печати не существует во Франции, потому что, благодаря вашим определениям, свобода прессы остается в ваших руках. Вы скажете, что печать пользуется величайшими правами и показает даже газетные статьи, которые, повидимому, должны быть это, но эта свобода будет только терпимостью, и когда вы вздумаете, как вы вздумаете в последнее время, вы будете преследовать ее. Будем испрекренны. Если Франция не требует теперь свободы печати, то на что вы вносите новый закон? Франция хочет все знать. Этодух нашего времени. То, что прежде давалось в годах, хотят теперь сделять в месяцы, в день, в час. Это нетерпимое произошло в нас быстрыми передвижениями паровоза и электричества. Марсель был прежде в 25ти днях от Парижа. Теперь много и двадцати на четырехдневную ночь: Нью-Йорку не хотят дать двадцати дней, а прежде он был в 40-ка: почта, телеграф, все должно быть с быстротой мысли. Земля блестит одушевленным существом под этой струйкой, подобно струе горы; она хочет беспрестанно знать, что происходит передавать эти сведения не одной головой отдельно, а всем существующим существам на свете. И это не пустое любопытство. Известия, это доказательство человека более человеческим, как земля блестит более гостеприимно и обитаемо.

«И печать привносит в себя эти средства передачи мыслей. Она создала газеты, которые сообщают известия правительству и частным лицам. Благодаря им, негощант в Сити знает, что происходит на всех рынках; они наблюдают, судят о действиях правительства и изучают управление. Мы здесь наблюдаем и судим сами себя. Может ли вы сами обойтись без этой газеты, которую хотите запретить? Вы прежде всего требуете эту газету и не для развлечения, но для чистого любопытства, но чтобы знать ходь общественных дѣл, которых сдѣла-

лись и ваши частными дѣлами; хотите знать, мир или война занимает ваши государственные земли? Может быть, ваша судьба связана с опасением спекуляции в вашем смысле может подвергаться опасностям, потому что, по нашему закону, который мы сами составили, никто теперь не защищен от рекрутства.

«Вы скажете, что человеческое слово создано для всячъ, но с условием, чтобы употреблять его умѣренно. Умѣрено! Я желаю бы этого, но можно ли достичь? Какъ измѣрить умѣренностъ тѣхъ, которые посвящали всю свою жизнь отечеству. Какое же в этомъ несчастье? Во Франции есть знаменитые люди, пострадавшие и подвергавшиеся сильнымъ нападкамъ, но ни одинъ изъ нихъ отъ этого не излѣхъ, не прекратилъ, даже не измѣнилъ своей деятельности. Генералы наши презираютъ нущесмъ ядра на поляхъ сраженья. Зѣлья наши ядра состоятъ изъ несправедливости и неблагодарности. Мы недостойны бы бѣи служить отечеству, еслибы не презирали подобныхъ раны. Но случается часто, что молодой писатель одаренъ большимъ мудрствомъ: ему недостаетъ только опыта, и настанетъ день, когда онъ примется за дѣла своего отечества, не хуже старыхъ слугъ его.

«Во времена Елизаветы, Бромелла и лакоя II, съ печально поступками жестокимъ образомъ. Плези и смертная казнь были съ участомъ. Въ XVIII вѣкѣ праговоры смѣгались вмѣстъ съ правами. Въ эпоху французской революции строгость въ Англіи уснилась, но потомъ миръ успокоилъ страсти и почути въ Англіи деша до той точки, где мы ее видимъ теперь. Славовательно, успокоеніе страсти было главнымъ послѣдствіемъ, и въ этомъ состоятъ современія польза печати. Чѣмъ значить печатать? Это голосъ націи.

«Идея свободы еще не совсѣмъ созрѣла у насъ. Въ странѣ, где каждый имѣеть голосъ, всѣ вмѣстъ составляютъ голосъ націи, и если человѣкъ взволнованъ сильной страстью, то и голосъ печати будетъ болѣе одушевленъ. Когда человѣкъ сердитъ, вы раздражите его еще болѣе, если сами раздражите. Будьте хладнокровны и вы успокеете его. Вотъ какими образами въ Англіи улеглись страсти. Франція находится въ такомъ положеніи, изъ которого мудрено дѣлать не что будеетъ не себѣдѣлъ. Есть, правда, средство для этого — абсолютная власть. Попробуйте воротиться къ ней. Если вы не можете сдѣлать этого, то я правъ.

«Можете ли вы достигнуть свободы, безъ свободы? Гражданъ заслуживаютъ первенства, чтобы они знали государственные дѣла, а можетъ ли онъ знать ихъ, когда печать въ неизвѣстности? Знали ли вы себѣдѣлъ, происходивший въ Мексикѣ? Извѣстно. Потому что печать не была свободна. Гражданъ заслуживаютъ свободы въ публичныхъ дѣлахъ. Печать приучить ихъ къ любопытству, потому къ здѣлу обсужденію. Надо свободно выбирать своихъ представителей и эта свобода выбираетъ должна быть такова, чтобы съ избирателями не обходились, какъ со школьниками.

России.

ность? Въ физическомъ мириѣ у насъ есть мертвый, но въ моральномъ его вѣтъ. Надо, чтобы писатели представляли истинную мысль націи; если есть неизвѣстный человѣкъ, въ которомъ созрѣла полезная, плодотворная истинѣ, ему надо имѣть голосъ. Отъ этого писатели часто являются первыми и неожиданными проводниками мысли; и кто пытается вѣкъ былъ во главѣ общественныхъ дѣлъ, получаетъ часто урокъ отъ молодого человѣка, едва вышедшаго изъ училища. Случается, что молодой человѣкъ учитъ добродѣтели и безко-

ническую, чтобы гражданинъ не боялся насилия, чтобы онъ зналъ государственные дѣла, а можетъ ли онъ знать ихъ, когда печать въ неизвѣстности? Знали ли вы себѣдѣлъ, происходивший въ Мексикѣ? Извѣстно. Потому что печать не была свободна. Гражданъ заслуживаютъ свободы въ публичныхъ дѣлахъ. Печать приучить ихъ къ любопытству, потому къ здѣлу обсужденію. Надо свободно выбирать своихъ представителей и эта свобода выбираетъ должна быть такова, чтобы съ избирателями не обходились, какъ со школьника-

ROBERT FENELON

J. ROBERT FENELON 1867

мы. Они должны размножать дела со вселенской земли. Наконец, когда нации свободно выбрали своих представителей, когда они собрались и большинство выразило свое мнение, надо, чтобы оно было признано в исполнении, для этого вовсе не нужно, чтобы отбываясь газета государства, а тѣ, которые представляются ею. При этих условиях нация свободна, потому что сама занимается своими дѣлами: она дѣлает, она имѣет все условия мыслимого существа. Отнимите у неї одно из этих условий и мыслимое существо исчезнет.

«Когда в первый раз, в 1864 году, я говорил вам об необходимости свободы печати, вслушите вами слова, г. государственный министр! Вы называли нас безумными. Я покорялся этому слову, потому что оно въ действительности исходило не от вѣт. Через два года потомъ, нѣкоторые изъ нашихъ товарищъ потребовали не свободы, а права надѣлаться на нее. Мы съ этимъ строго осудили. Теперь вы представляете намъ новый законъ, съ маленькой попыткой на эту свободу. Кто обратилъ вѣсъ на путь истинный? Конечно, не мы, а друга, болѣе значительной сказы: съзыв времена, которая увлекла всѣхъ. Вы съ повиновѣемъ поневолѣ. Вы говорили нѣкогда о высоты вашей непогрешимости, во имя которой ходѣли управлять поголовомъ, собирали го- ссовъ и нашими судьбами. Но человѣческая непогрешимость недородительна. Послѣ крымской войны произошла война въ Италии, потому событыя въ Германии и Мексикѣ, и сила времени двершила вѣсъ дѣло. Этимъ двумъ съзывамъ надо уступить; надо дать полную свободу, надо дать ею искреннюю, потому что она одна принесетъ миръ и спокойствіе».

Наконецъ, приводимъ отрывки изъ речи Жюля Флера:

«Мы создали свободными съ разумными тварями; мы имѣемъ право высказывать нашу мысль и заставлять уважать ее. Единственная граница этого права тамъ, где оно нарушаетъ право другого. Есть права выше и старше всѣхъ законовъ. Въ числѣ этихъ правъ—право мыслить, и не для того, чтобы бросить его въ глаубинѣ своей совѣсти, гдѣ оно непрекословно, а чтобы распространять его во всѣ концы свѣта. Это нѣтолько право, но и долгъ, и я не допускаю, чтобы эти права могли быть отпринуждены. Пусть примутъ предосторожности противъ возможныхъ злоупотреблений, и я согласенъ на это; но въ принципѣ право это существуетъ и нарушение его составляетъ родъ богохуaultа, если дѣлается безъ всякой нужды. А потому всѣхъ разъ, когда представляется возможность съвѣтъ мысли, онъ возбуждаетъ спиралевидное волненіе. Дѣйствительно, каждый чувствуетъ, что эта свобода составляетъ нѣтолько первобытое право, но что въ немъ право личнаго и общественнаго съиссанія; что уничтожить его или покорить своей прихоти, значитъ, уничтожить на граждани и на все общество унизительное рабство».

«Подобная теорія неизѣла принять въ свободной странѣ. Молчаніе не构成аетъ потребности для неї: оно только необходимо для той системы управления, которая теперь существуетъ. И когда вы говорите о побѣдахъ, о современномъ направлении государства, то забываете дѣлъ бѣдствий и уроковъ, давные тому побѣдоносному временю, которыя, расширивъ свою власть надъ всѣмъ свѣтомъ, самъ погибли отъ того, что никто не говорилъ имъ права. Урокъ былъ жестокъ, и свободы печати отомнила была жесточайшимъ образомъ, потому что мнѣніе это было произведеніемъ самыми людьми, которыя были лысцентами и придворными императора, вѣдь имъ могущество, въ сенатскомъ постановленіи, объявившемъ о визирѣ Наполеона, сказано: «Вѣда, что свобода печати, установленная нашей конституціею, какъ одно изъ правъ нации, была постоянно подтвержнута цезурой, позиціе; что правительство употребляло печатъ только для распространенія во Франціи и въ чужихъ краяхъ несуществующихъ фактовъ, идея, благоприятныхъ одному деспотизму и вскорѣбергательству для иностранныхъ правительствъ». Вы слышите ли, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, это говоритъ сенатъ. Императоръ понялъ этотъ суровый урокъ, потому что въ 1815 году обявилъ, что «свобода печати составляетъ одно изъ оснований новой его империи, а въ за- седаніи 7-го июня сказали, что «свобода печати

всѣхъ молчаніе, губа земли, можетъ губить и са- звать правителей, и возведя въ на вѣжную стопы власти, потомъ низвергнути».

«И съ этою системою соединена наша конституція 1815 года, потому что вы сказали: «оставимъ вѣрными преданіямъ консульства». Вы сад- дуете, значитъ, его молчанію о свободѣ печати? Первая потребность націи состоитъ въ порядкѣ, а порядокъ только тогда примиряется со свободой, когда неприскорѣмъ его обезпечена. Вы говорите, что для націи необходимо возстановить порядокъ и успокониться, но возстановленіе порядка я называю уваженіе къ правамъ и къ правосудию, а дѣлаетъ 17-го февраля 1852 года — самое искусное орудіе для сосредоточеніи власти въ рукахъ одного человека».

«Газеты по новому закону будутъ жить только съ условіемъ быть терпимыми. Нѣтъ вѣни мѣсяцъ мѣсяца, угрожающій присо- дованіемъ, или прекращеніемъ. Напрасны ли наши жалобы? Вы знаете сколько газетъ привнесено на жертву для тѣхъ называемыхъ снасій государства. Печать въ сущности принадлежала у насъ исполнительной власти. Она говорила всегда, что хотѣла вѣсти; молчала о предметахъ, которыя не нравились. Всемогущество уѣсть въ рукахъ. Вы нѣтолько можете заставить молчать, но и официальными предоставленіями привлекаете оғонь. Это хуже всякой цезуры, которая груба, но по крайней мѣрѣ, откровенна. Декретъ 1852 года обязываетъ газеты скрывать свою работу подъ видомъ свободы. Газеты, повидимому, существовали еще, и министръ юстиціи можетъ просить: «развѣ вы не видите въведенія въ газетахъ разныхъ политическихъ нападокъ; разѣ иностранецъ, прѣѣхавшій въ Парижъ, можетъ сказать, что печать не существуетъ?» На это ему можно бы отвѣтить, что иностранецъ очень чу- сть требовать изъ почтѣ даже иностранной газе- ту, основанную изъ то, что одна строка въ неї показалась правительству опасною. Если иностранецъ думаетъ, что свобода печати существуетъ во Франціи, то потому, что онъ не можетъ увидеть всѣхъ угрозъ, которыхъ она принуждена уступать. Съ 1832 до 1867 года, печать муже- ственно исполнила свое назначение, но не могла вполнѣ исполнить того, чего требовалъ отъ неї исполненіе въ себѣ».

«Едва ли вы опровергнете, что послѣ 65-ти лѣтней вѣсти, неимѣвшей контролы, вы дошли до разрывы всѣхъ нашихъ сознаний и подвергли Франціи, изъзвѣщеніемъ положеніе посредѣ Европы, если не угрожающее, то недовѣріе честности. И если министръ внутреннихъ дѣлъ хвалилъ правительство, воспоминая о крымской и итальянской кампаний, то принужденъ былъ умолкнуть о мексиканской экспедиціи въ событіяхъ прошлого года, въ которыхъ Франція играла въ Европѣ роль державы третьей степени».

«Это происходило извѣзъ. Внутрирѣгульаторъ системы состоялъ въ томъ, что предъ Франціей нравственнымъ безпокойствомъ и материальномъ обогащениемъ, которое съ 1856 года безпрестанно возрастало, вы обѣщали намъ, что, вѣсто свободы, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, обогащаться. Между тѣмъ искампнованіе предпѣдій, основанныхъ вами, разрушилось какъ колосъ съ глиняными ногами. Вы проптировали лотереи, которая покоряла всѣ экономіи нечестивыхъ ерзанузовъ, и ваши убѣ- ренія были одинъ обманъ. Такимъ образомъ, мы съ вами проправляемъ систему дошии до безпокойства и опасности извѣзъ и до болѣди внутри. Не правда ли?»

«Рѣжемо. Франція вовсе не въ такомъ дурномъ экономическомъ положеніи, какъ всѣ наши соплеменники».

Президенцъ. «Я прошу оратора не говорить болѣе для Франціи».

Жюль Флэръ. «И я не обижу ее; я привожу только дѣйствія тѣхъ, которые управляютъ ею. Правда ли, что общественный долгъ возьмется на половину; что вы вновь готовитесь завыть 440 миллионовъ; что городъ Парижъ не въ состояніи выплачивать своихъ долговъ? Вотъ чѣмъ я называю народнымъ богатствомъ. Я называю это не несчастіемъ».

«И все это было результатомъ той системы вынужденного молчанія, изъ которой Франція хотѣла выйти. Разѣ прогрессъ націи не долженъ быть обнаруживаться передѣніями въ нашемъ законодательствѣ? Мы дѣйствительно подвигнулись, но не впередъ, а назадъ. Это такъ есть, что если бы

далъ нашъ законъ печати 1819 г., мы принадали бы его, какъ благодѣйн., несмотря на всѣ его несо- вершенства».

«Вы сами знаете, какъ трудно определить пропуски печати, и чтобы избавиться отъ этого затрудненія, вы предполагаете произвать самому судѣ. Вы дѣлаете различіе между политической газетой и неполитической. На политическую на- лагаете вы залогъ, а вторую освобождаете отъ него. Но гдѣ линіи границъ между ними? Гдѣ кончается политика, а начинается соціальная эко- номія? Самъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ былъ въ затрудненіи определить эти границы. Вотъ другой примеръ. Мы宽敞 требовали объясне- ніемъ о смыслѣ закона, которымъ уничтожены газеты отъ нашихъ саѣздаў. Пустъ г. министръ отъ имени правительства скажетъ намъ: гдѣ линіи, отдѣляющіе отъ закона отъ не- звѣдованного; пустъ прекратить отъ унизитель- ное положеніе, допускающее преследование и при- говоры, столь неистомическихъ, какъ тѣ, которые мы недавно испытывали. Хорошо положеніе, которое не имеетъ дозволъ газетамъ испытывать законы, какъ осуждаю ихъ изъ постыдного молчанія!

«Эти процессы о печати отъточнѣ нашего со- бранія подали поводъ къ продолжительнымъ и торжественнымъ преніямъ, продолжавшимъ шесть засѣданій. Знаменитѣйшій ораторъ судебнѣй части былъ выслушанъ, и одинъ изъ нихъ полагалъ добросовѣсно отзыться отъ преследова- ванія газетъ, тогда какъ наѣза было наставлять на преследованіе одѣѣвъ и на освобожденіе другихъ. Мы добѣдѣмъ до того, что будемъ читать суждѣнія о нашихъ преніяхъ въ русскихъ газе- тахъ, а не французскихъ».

Министръ внутреннихъ дѣлъ. «Любію газе- ту назначаютъ судъ. Вы подадите апеллію. Ожи- дайте рѣшѣнія суда».

Лаптур. «Дамъ, дамъ. «Вы ошибаетесь, г. ми- нистръ. Мыѣзъ имѣемъ право предлагать и истолковывать законы и судить о виновныхъ дѣ- ствияхъ. Вы не можете подвергать нашего міністра апелліонному суду».

Жюль Флэръ. «Г. министръ, какъ бывшій про- куроръ, думаетъ, что онъ все въ судѣ, но мы — за законодательствомъ озѣйтъ въ ничего не ожидаетъ судѣ; наше званіе выше, и наше право не подчиняется разбору суда. Да мы и не обвиняемъ судъ, а вѣсъ, составленія этого закона, вѣсъ, думающихъ пристыни наше законъ свободы и при- правыниковъ законъ рабства. Г. министръ внутрен- нихъ дѣлъ, обязанніи изученію этихъ законовъ своимъ быстрымъ повиненъ кажется, забыть, что вселенскій трудъ, что борьба съ ошибочными мѣтками возвышаетъ людей, и что между пишущими могутъ, въ свою очередь, явиться люди, способные управлять дѣлами своего отечества. За что же поражать безпомощн. и обильнѣе под- зорѣніемъ всѣхъ, которые думаютъ и труда- ютъ? Исторія наша, и въ особенности посѣдѣнію 60-ти лѣтъ, учитъ насъ, что всѣ правительства, неумѣвшіе уживаться со свободой печати, или отъ внут- риеннихъ революцій. Мы не хотѣмъ ничего по- добнаго; но надо имѣть мужество, чтобы быть свободными, чтобы пристыни системѣ свободы, не останавливаться на пустыхъ обансіяхъ. Несправ- дливое преизбрѣніе, которому мы подвергаемся съзаграждено, и насыщено на Францію объясня- ютъ только тѣмъ, что настъ считаютъ подъ гнетомъ рабства. Мы не можемъ дѣлать геройѣ, чтобы въ Австрии, въ Пруссии законы были либеральнѣе нашихъ и чѣмъ Франція по дѣламъ стала ниже другихъ націй. Она имѣетъ право или впередъ, имѣть право жить и дѣлать съ собою. Только съ этимъ условіемъ можетъ она быть велика внутри и непобѣдима извѣзъ».

Россія.

Пимъ Россіи уже перешелъ въ предпіе, о немъ уже пѣтъдесетъ лѣтъ рассказываютъ безчлен- ные анекдоты, жизнь его описана во многихъ биографіяхъ, которые не всегда справедливы; большая часть лѣтъ, незнающихъ Россіи лично, составлены о немъ мѣнѣй, что онъ человекъ ѕѣ- нивъ, беззабойн., гастрономъ, насыщенн., скептич., готовъ отвергнуть свой собственный газеты и спрашивайтъ безмертной прозаѣдѣній безъ всякаго усилия, какъ абдомъ. привносящіе беззаконнѣально.

У маestro есть вѣкторы черты изъ приво- денныхъ выше качествъ. Но его стоитъ изучить

ближе, чтобы совершенно перенянуть о немъ мнѣніе. Только при ближайшемъ знакомствѣ портреѣ Россини явится совершенно въ новомъ свѣтѣ.

Это чрезвычайно дѣйствительно рѣдкѣ. Онь одновременно умомъ, памятью, впечатлительностью, волей, практическими качествами. Этотъ беззаботный старикъ занимается всѣмъ и всѣми, и надобно видѣть, съ какимъ вниманіемъ онъ выслушиваетъ посѣтителей, какъ извѣшиваетъ свои отѣбы. При этомъ, онъ не забываетъ ничего и находить въ своей памяти, что было сказано или задумано сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Если онъ примется за работу: за фугу изъ москвы, или за письмо со своимъ картищемъ, онъ составитъ сперва въ уме извѣстія, а потомъ уже пишетъ скоро и превосходно. Вотъ почему партитура «Савильского цирюльника» написана въ тридцать дней, безъ единой помарки, безъ ошибки. Онь начинаетъ работать только, когда въ головѣ его составлены и обумошены идеи, когда въ немъ не надобно ничего перенянуть и ему остается только писать подъ диктовку своей памяти. Онь гуляетъ, обѣдаетъ, разговариваетъ съ друзьями и въ это время сочиняетъ.

Онажды, посѣтитель засталъ его за работою и хотѣлъ уйти, чтобы не мѣшать ему, но Россини сказалъ:

— Останьтесь, вы мнѣ не мѣшаете — я просто переписываю.

Онь писалъ начало своего мессы.

Любопытно знать, какъ разилась эта необыкновенная организація маэстро. Онь былъ единственнымъ сыномъ бѣднаго трубача и дочери булочника въ Пизаро. Отецъ его былъ въ то же время, смотрителемъ боенъ и они жили кое-какъ, пока вдругъ трубача посланы въ Турумъ по политическимъ причинамъ и жена его, красавица Анна Гвидариа, осталась безъ куска хлѣба. Она нашла съ сюмъхъ въ Болонью и такъ, какъ у нее была прекрасная голосъ и она умѣла пѣть, то пустилась на сцену. Занятая своими новыми ремеслами, она часто оставляла маленькаго Джакомо у злакового колбасника.

Тутъ, между окороками и сосисками, насталъ музикальное образованіе будущаго творца «Гайдельмы Теля». Въ домѣ жилъ юноша Принчипи, у которого были жалкіе клавесины и онъ началъ учить мальчика дѣлать гаммы двумя пальцами. Тутъ же нашлась побѣдѣть, давшій имъ первые уроки въ арфѣчествѣ.

Довѣти лѣтъ Россини началъ серьезно учится музыке у хорошаго чистаго и выучился породисто аркомпанировать. Десети лѣтъ, онъ уже выражалъ на тридцати по тридцати съ утра, играя на органѣ, участіемъ въ хорѣ и давая уроки другимъ юношамъ.

Однако, голосъ этого пропорционально развитаго на театре, тоже для аркомпаниента, потомуѣть былъ принятъ въ болонскому музыкальному училищу, где Матея давалъ ему уроки контрапункту; во эти уроки были также недостаточны; что ученикъ проходилъ перечеркнутыя и вынужденъ былъ откладывать многія привиліи.

Этотъ юный человѣкъ поддерживалъ съ десяти лѣтъ существованіе своихъ родителей и работалъ, какъ категорикъ. Въ свободные минуты онъ бѣжалъ въ болонскую и жадно читалъ книги. Въ то же время онъ изучалъ Гайдна и Моцарта, произведения которыхъ были выписаны имъ болонскими негоцантами, подозванными Россини и старающимися о развитіи его таланта. Онь выучился самому играть на скрипкѣ, на рожковѣ и почти на всѣхъ другихъ инструментахъ достаточно, чтобы употреблять ихъ при случаѣ. На фортепиано и виолончели онъ бралъ постоянныя уроки и игралъ на этихъ инструментахъ, какъ virtuoso.

Едва выѣхавъ изъ дѣтства, Джакомо поставилъ въ філармоническомъ обществѣ *J. Concordi & Vremena glorie* «Гайдна», которая не была известна въ Италии и диригировалъ самъ это замѣчательное произведение.

Если музикальное образованіе молодаго человѣка быстро подвигалось впередъ, то ему рѣшительно не было времени заняться науками и литературой. Онь нашелъ еще покровителя иняко-нера Джусты, который оставилъ у себя Россини и заставилъ его читать Данта, Тасса, Аристотеля. Однажды необыкновенною понятливостью, молодой музыкантъ пользовался уроками выженсера и съ живѣнностью саундажъ его объясненія.

Позже, встрѣчаясь съ людьми образованными и знаменитыми, онъ также счищалъ ихъ со вниманіемъ и пользовался ими въ соѣтствіи, а потому самъ состаивалъ себѣ понятие обо всемъ и отгадывалъ, что онъ знаетъ. Вотъ отчего онъ можетъ судить объ всемъ и удивлять иногда своимъ пониманіемъ, тогда какъ почему онъ учился. Его загадочный смыслъ и память служажъ ему вмѣсто образования.

Такимъ способомъ онъ выучился говорить по-французски и говорить на этомъ языкѣ такъ остроумно, что ему можетъ назовинать природный француз. Но испанская онъ говоритъ также бѣло и выучился этому языку у Гарсии и у своей первой женѣ Изабеллы Коломбъ. Онъ нетолько говорилъ на этомъ языкѣ, но еще пишетъ на немъ языки, и его пахвали прекрасными глазами: «Любовь Гассы замѣчательна поэтическому произведенію».

Россини, какъ композиторъ, извѣстенъ всѣмъ. Кромъ симфоніи, онъ пробовалъ свою вѣсѣ въ оркестрахъ, отъ фарсовъ въ роляхъ «Итальянки въ Альжирѣ» до величественнаго «Stabat». Его произведенія съѣзжались изъ театровъ въ музыкальныхъ и театральныхъ концертахъ, и онъ имѣлъ успехъ въ каждомъ изъ нихъ.

Изученіе Моцарта и Гайдна было ему очень полезно, но онъ поднялъ итальянскую музыку, привѣтъ ей новую прелестъ и увѣличеніе, нашелъ новыя музыкальныя комбинаціи, о которыхъ до него не имѣли понятія.

Этотъ юный человѣкъ написалъ въ девятнадцать, съ 1812 по 1820 годъ, тридцать оперъ. Потомъ онъ прибылъ во Францію, и чтобыгоднитъ новой публикѣ, измѣнилъ немножко свою манеру, начавъ отѣбывать съ большими вниманіемъ хоры, оркестровые, восползовавшись всѣми средствами, какъ предоставлалъ ему парижская опера и которая очень недостаточны въ Италии.

Онъ передѣжалъ «Ослу Коринна» и «Монсея»

и создалъ «Симониды Теля», для которого уже

източнены всѣ поклоны.

Послѣ «Теля» Россини обѣзжалъ написать еще четыре оперы для Франціи, но революція 1830 г. разорвала этотъ контрактъ и маэстро приложилъ силы обратиться къ суду, чтобы получить то, что ему было должено. Притомъ, новый розыскъ музиковъ вошелъ въ моду, «Теля» игралъ по одному акту передъ базатами и то въ самыи жалкіи пѣвческии. Обиженный композиторъ уѣхалъ въ Болонью. Тамъ его вѣмѣши въ смѣты итальянской революціи, она принуждена была выѣхать изъ этого города и поселилась во Флоренціи, гдѣ жила до 1855 года, а потомъ воротилася во Францію.

Въ Флоренціи Россини былъ болѣзни опасно въ тѣло во Франціи попривѣзъ. Парижъ принялъ его въ восторгомъ и съѣхѣлъ по мѣсту пользуетъ своею славою. Онь окружилъ поклонниками, покрохъ него всѣе тогда почтѣвались, когда привозили его таланты, удивлялся его остроумію.

Жизнь онъ довольно дѣятельна, несмотря на старость. Онь не бросаетъ композиціи, привыкъ съединять огромное число посѣтителей, пишетъ много писемъ авторографъ въ альбомы и не отказывается никому въ помощь и съѣѣтъ.

Надобно удивляться, съ какою готовностью и добромъ старымъ мастеромъ оказывается всѣмъ услугы. Старость не привнесла на него никакаго дѣствія. Талантъ его также орнігиналенъ, хотя направлена въ другую сторону. Его месса всѣмъ замѣчательна и еслибы онъ вздумалъ написать оперу, то она имѣла бы Большой успѣхъ.

Да геремоніи раздѣли награду, по случаю пѣвческой выставки Россини написалъ канканъ, которыя имѣли большого успѣха и въ которой введеніе даже пушечные выстрѣлы, что восстановлено противъ него музыкантами. Но показали, что имѣли въ виду выдохненіе и притомъ, въ этомъ собрании никто не слушалъ музыки и исполнители тоже мало занимались своимъ дѣломъ, стадо было не мудренъ, что канканъ не удаласъ.

Чловѣкъ, написавшій «Огеліса», «Семірамиду», «Теля», «Монсея», «Stabat» не можетъ быть вѣ-

нѣмъ шутникомъ, какими его привыкли представлять въ большей части биографій. Нельзя не подѣлѣть, что онъ отказался отъ сценъ въ позмѣнѣ развитія своего таланта, когда ему не было еще сорока лѣтъ, но надобно признать, что въ этомъ написаніи и сама публика. Какъ ни велика тиражи у композитора, но и оно зависитъ отъ разныхъ природныхъ, непрѣятностей, мелочей, которыя раздражаютъ и оскорбляютъ. Надобно удивляться, какъ маэстро сдерживаетъ свое слово, не работать больше для сценъ. Но онъ исполнитъ довольно лихіи своей славы. Первая его опера «La Cambiale di matrimonio» не имѣла значительного успѣха, автору не было еще восемнадцати лѣтъ. Она дана въ Венеціи. Потомъ въ Римѣ онъ поставилъ «Demetrio e Polibio» и опера понравилась. На следующемъ году она написала пѣтъ оперу для Милана и Рима, потомъ еще три и между ними Танкреда «Italiana in Algeri». Успѣхъ этихъ двухъ оперъ былъ громадны. Въ итальянскую музыку внесенъ былъ новый элементъ и имъ сѣѣлось народнымъ. Его привлекли въ Неаполь, гдѣ онъ писалъ роли для красавицы Кольбранъ, на которой впослѣдствіи женялся. Тутъ онъ написалъ: «Цирюльника», «Огеліса», «Генеральса», «Сороку-воровку», «Армиду» и большую кантану на свадьбу герцогини беррійской. Въ первомъ представлении «Цирюльника» былъ безжалостно освистанъ, потому что Паззіо написалъ оперу на тотъ же сюжетъ и его друзья не хотѣли допустить усѣхъ Россини, за то въ второмъ представлении публика была въ восторгѣ и до сихъ поръ эта опера не потеряла своей престижности.

«Огеліса», «Монсея», «Магометъ II», «Матильда да Шварцбургъ» и др. вызвали маэстро въ новомъ видѣ. Россини былъ уже богатъ, знаменитъ и «Семірамидъ» была его прошлой оперою въ Италии. Въ Европѣ пѣла и слушала его музыку. Луна, что выше «Семірамиды» Теля не хотѣла больше писать для сценъ, которая овладѣла Меберомъ.

Въ 1811 г. Россини написалъ операторию «Stabat mater», которая произвѣла большую эффектъ. Въ 1815 г. женялся въ второй разъ на Олимпии Неллѣ, бывшей актрисой. Въ 1817 году парижскіе буфы поставили ей фарсъ «Вѣтчинка», написанный въ молодости, но Оффенбахъ опередилъ его въ этомъ роѣ.

Знаменитый маэстро членъ французской академіи художествъ и имѣтъ много орденовъ. Въ Польшу ему воздвигнутъ статуя въ 1864 году. Рѣдко кто при жизни удостоился такой чести.

ПАРАГВАЙСКАЯ ВѢЙНА.

Почти цѣлый годъ враги въ Парагвайѣ оставались въ бездѣлѣ, арміи только избѣгали одна изъ другою, но правительства поняли, что проявленіе во время войны обходится иногда дороже сраженій. Дѣйствительно, парагвайскіи пушки убили меньше бразильцевъ въ Атлантическомъ, за то лихорадки и другіе болѣзни того народа погибли многихъ. Всего лучше было бы окончить эту войну, потому что она произвѣла много несчастій въ Ландіи и Бразії, и чѣмъ бы ни окончилась, обѣ странѣ долго не поправятся.

Союзникъ арміи, подъ предводительствомъ маршала Каскія, выѣзжалъ, назовѣнъ, изъ своего бездѣлѣя, подъ стѣнами Гумбайти и въ искъско-скраженіи. Союзники не могли отыскать этого города и рѣшѣніи обогнуть его по болотамъ. После искъско-скраженіи, удачныхъ стычекъ, они очутились у сѣверной части города, завѣдывали двуми берегами Парагвай и дорогою въ Атлантическій. Но бразильскій флотъ находился далеко отъ войска и не могъ подѣстъ пріамъ, не проѣхъ мимо батареи Гумбайти. Если же флотъ пройдетъ мимо этой крѣпости, диктаторъ Лопесъ будетъ въ затруднительномъ положеніи. Союзники бомбардировали Гумбайти съ сѣвера, гдѣ это городъ мало защищаетъ, потому, пойдуть на Атлантическій. Однако, президентъ Парагвайя, чѣмъ бы дальновидный и союзники боялись проникнуть далѣе въ испанѣстскую страну, гдѣ маѣшанъ неудача можетъ имѣть опасные послѣдствія.

Сраженіе при Перу-Гуа близъ Ріо-Гондо доказываетъ, какъ осторожны должны быть союзники. Генералъ Митре, извѣстный своею храбростью, подошелъ слишкомъ близко къ непрѣятельскимъ траншеямъ, какъ вдругъ былъ окруженъ парагвайцами и погибъ бы со своимъ не-

другомъ.

Сражение при Шеру-Гуз. Атака бразильской кавалерии генерала Андраде-Невесь.

Большим отрядом, еслиby генерал Какси не был бы Моноконом, таф гравь Роберт Сильный послал ему из помошь бразильскую кавалерию, которая разбила парагвайцев и взяла много пленных. Эта блестательная победа одержана бразильским генералом Андраде-Невесь, но парагвайцы все еще сильны и война не скоро приведет к окончанию.

Паркъ Шомонъ.

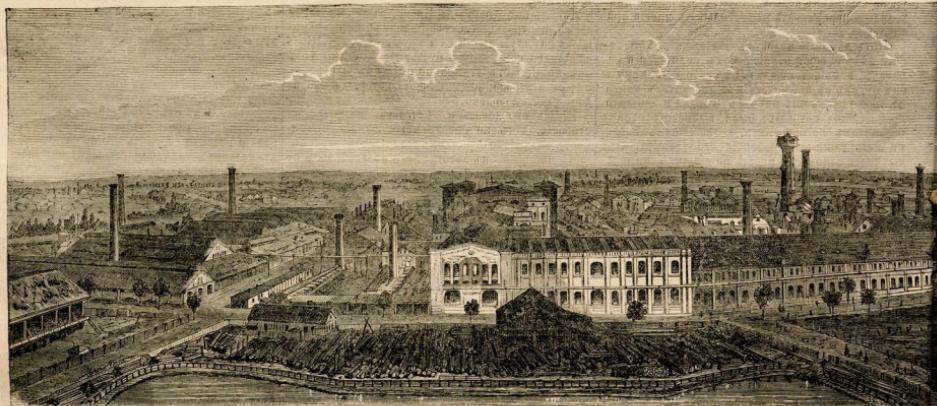
В послѣднее время, въ Парижѣ появилось много чудесъ, но ни одно не можетъ сравниться съ волшебными превращеніями гористаго, грязнаго, страшнаго мѣста—въ преосходенный паркъ съ каскадами, гротами, каменными арками, павильонами, высокими деревьями, бархатисто зелеными и глубокими озерами. Les buttes Chaumont сохранили свое название, но кто ихъ узнаетъ теперь?

На этихъ холмахъ останавливались норманды, готовясь грабить Парижъ, и тутъ происходило сражение, известное въ исторіи подъ названіемъ

злодѣйства, Жана Массо, Оливье Леден, барона Бони, тоже министра финансовъ при Францискѣ I и министра честной, Самбланса, при казни которыхъ народъ не смылся, а плакалъ. Наконецъ, Моноконъ увидѣлъ изъ своей висячихъ обезображеній трупъ героя реформации адмирала Колинзъ, и весь дворъ Карла IX приходилъ любоваться на это страшное зрѣлище.

Говорятъ, что висячіе Монокона были уничтожены революціею, но это невѣрно. Они исчезли еще въ 1761 году; по этому проклятому мѣсту нужны были жертвы, и въ 1778 году тамъ сдѣлалась обвалъ въ известковыхъ ломахъ и завалилъ пѣсколько человѣкъ.

Мѣстность Шомона глинистая, безплодная, при этомъ тутъ пѣные десницы лѣтъ сваливались всевозможныи нечистоты, тутъ сидѣли кожа съ дохлыхъ лошадей и тяжелый запахъ падали отгонять далеко всѣхъ, кто не имѣлъ причинъ прятаться. Въ 1864 году начались разработки этой трущобы, а въ 1867 г. публикѣ открыть былъ

Сталелитейный кръ

Парк Шамони.

великолепный парк, разбросанный на двадцати двух гектарах, окруженный красивым речекою, с шестью воротами для входа постыдного, с шестью воротами для входа постыдного.

При входѣ въ шамоніскій паркъ поражаетъ разнообразіе и контрасты. Громадная базальтовая скала кажется тотчас потерпѣть разновѣсіе и развалитъ маленький лѣсокъ и зеленый лужокъ, потожія на корзинку съ маргаритками. Взрѣзъ глазамъ открывается болѣею озеро, въ которое вливается маленькия ручейки и каскадъ шумитъ и пѣнится, обвязавъ гулокою проходную пылью. На самой вершинѣ, почти въ облакахъ, возвышается маленькое зданіе, въ видѣ храма Сивиллы. Оно состоитъ изъ восеми колоннъ коринфскаго ордена, поддерживающихъ небольшой куполъ. Эта бесѣдка стоитъ на голой скалѣ въ пятидесяти метровъ вышинѣ и покрустъ по ее грунтируются другіе скалы и холмы, входящіе даже въ озеро. Две мосты соединяютъ большую скалу съ паркомъ. Одинъ, прозрачный, въ шестидесяти метровъ длины, вѣдется до того лѣгокъ и воздушнъ, что малыши вѣтрокъ можетъ сорвать его, какъ пустыну; другой мостъ каменный, въ одну арку, переброшенъ въ тридцати метрахъ надъ озеромъ.

Это озеро, величано въ десять тысячъ метровъ, составляетъ лучшее ураненіе парка, вмѣстѣ съ громаднымъ гротомъ. Этотъ гротъ можетъ называться чудомъ. Стѣны его покрыты мохомъ и между камней ростутъ листвѣцы. Сталактины и сталагмиты слѣдуютъ, естественно, что можно вообразить себя въ настоящей стадикитовой пещерѣ. Между двумя стѣнами, какъ между воротами, видна пропасть, изъ которой струится съ изѣю воды, проведенная изъ сен-мартинаскаго канала.

Но всего удивительнѣе въ этомъ паркѣ видъ на Паркъ въ ясныи день. Стоять взойти на возвышеніе, окруженнное балюстрадами—и оттуда открывается чудна картина. Весь Паркъ лежитъ глубоко внизу, со своими беззинными башнями, громадными зданіями, рѣзкою зеленою. Вотъ Монмартръ съ мельницами. Сен-Люи съ собою, лазою поля, деревни, Сена извиваясь блестящею лентою; дальше видны опять города селенія, лѣса, словомъ, эта панорама заключаетъ въ себѣ три департамента и подобную ей трудно назвать въ другомъ мѣстѣ.

И какъ благодары жители Бельвиль и Вильдты за такое гулине, съ какою поспѣшностью вры-

ваются они въ паркъ, какъ только отворятъ его ворота и разсыпаются по всѣмъ дорожкамъ. Всѣ виды грунтии дѣтей, женщинъ, стариковъ, наслаждаются хоронимъ, скѣжимъ воздухомъ, зеленою, тѣникою деревьевъ, перенесенныхъ сюда издалека, чудными видами. Трудно поверить, что изъ этого цѣлѣнца, живописномъ мѣстѣ, происходило прежде столько ужасовъ, раздававшихъ стены и проклятия тамъ, где теперь сбываются и играютъ дѣти, что кровь лилась по камнямъ, по которымъ теперь брызгаютъ каскады.

И какъ скоро окончены эти гигантскія работы! Правда, они обошлись не дешево, потому что на добно было все создавать и привозить изъдалека, кроме камней и скалъ; за то рабочіе имѣли три года выгодную работу и житей и девятнадцатаго квартала получали превосходное гулине, которому могутъ называть живущіи на бульварахъ и глотающіе сильнѣй лѣтъ.

Представляемъ изумрудный видъ гrottовъ съ каскадами, большой ворота надъ воротомъ и входъ на вершину, где стоитъ маленький храмъ и оттуда открывается удивительный видъ.

Надобно прибавить, что четыречеловѣка устроили этотъ вошебный паркъ: инженеры Альбанъ

— Не открывайте, пожалуй, отвѣтчала та разину и прижалась за спину.

— Кажется, с матерью можно было бы поговорить обходясь, — разседела Олимпиада Семеновна.

— Тать говорите; к чьему вѣдь эти вступили?

— Такъ видишь: Николай Юрьевич пропустилъ твои руки.

— Моя рука она должна была у меня просить, сказала, на столькъ пораженная, сколько удивлена эти словами, Маня: — отъ меня же она должна была самъ и отвѣтъ узнатъ; к чьему тутъ еще третье лицо вымѣнишь?

— Но вѣдь я въ томъ?

Маня нетерпѣливо повернула плечомъ.

— Впрочемъ, если она хочетъ вашего участія въ этомъ дѣлѣ, скажемъ ей... — для меня все равно. Передѣлай мой отвѣтъ ей. Пусть давно замѣтила, что обратила на себя ее внимание, но съ первою же минутой отъ него отвернулась. Чтъ общаго между вами? Отъ... да, впрочемъ, что объясняетъ. Скажите, что мѣй гадко его предложеніе, что я не только отъ него отказалась, а отталкивало его.

Маня покраснѣла отъ сильнаго волненія; негодованіе видно было въ ее большихъ голубыхъ глазахъ и въ умбѣ; она была чудно хороша въ эту минуту.

Олимпиада Семеновна не ожидала такого разнаго отпора. Но она не хотѣла сознаться, что дѣло програно.

— Послушай, началь она снова: — я даю тебѣ время подумать. Завтра ты мѣй отвѣтъ. Какъ матъ, совсѣмъ тебѣ не отказывать ему.

— Я уже сказала: вѣтъ. Странно вѣтъ уговаривать меня въ такомъ дѣлѣ и какъ у васъ достало духу?

— Ты забываешься! избѣглась Олимпиада Семеновна; — я тебѣ привезомъ согласились, или напомни, что я твоя матъ. Ты отъ меня зависишь...

Маня засмѣялась, собирая на этотъ супорокъный смѣхъ послѣднія силы своего измученнаго сердца.

— Удите, маменька, окончила она спокойно. Мѣй также видѣть васъ.

Олимпиада Семеновна несказала въ отвѣтъ ничего и, подѣленная отъ злости, быстро вышла изъ комнаты. Маня почти безъ чувствъ упала на стулъ.

«Боже моя», думала она, приподнявъ въ себѣ: синево горе и какое горе! И все то — одна, никто изъ не поможетъ, не дастъ帮忙... Моя мама, отчего она такая? И отчего это много дурньяковъ людей? Кажется, таъ-дѣлко быть хоромыши, совсѣмъ и такъ труда быть занять... Иѣтъ, рѣшила она, наконецъ, проумрувъ все слова: а вы видѣли изъ Донскаго; она мѣй гадко. Я знаю вѣтъ и только злые меня отталкиваютъ. И ужъ давно стала ей болѣеть, чувствовала что-то недобро. Зачѣмъ она побѣдить меня, зачѣмъ на моей дорогѣ? Мы расходимся во всѣмъ; какъ же намъ идти вѣтъ въсѣ живы? Я сама ему все скажу, я буду умогъти его отъаться отъ своего напѣренія. Но если она не согласится...»

То же самое она умылась. Предложеніе Донскаго, склонъ съ матерью, неестественные думы, сознаніе своего безвыходнаго положенія, все это сильно, до болѣзни извѣзовало Маню и сильно отозвалось на ея вѣжной натурѣ въ этотъ день розовое пятнышко появилось на ея щекѣ, когда она засмѣялась.

Не напрасно она умылась. Предложеніе Донскаго, склонъ съ матерью, неестественные думы, сознаніе своего безвыходнаго положенія, все это сильно, до болѣзни извѣзовало Маню и сильно отозвалось на ея вѣжной натурѣ въ этотъ день розовое пятнышко появилось на ея щекѣ, когда она засмѣялась.

Для два не выходила Маня изъ своей комнаты, отыхала и собираясь съ синими; она не забыла своего напѣренія переговорить съ Донскимъ. Онъ тоже гдѣ-то пропадалъ все это время и вернулся только на третій день. Узнавъ о его пріѣздѣ, Маня рѣшилась, но отѣздавшись, увидѣться съ вѣтъ. Она пріѣхала въ комнату Донскаго, но голосъ въ комнатѣ Олимпиады Семеновны застѣвалъ ее оставаться.

«Но подожду», — подумала она, «когда она отъ вѣтъ выйдетъ; я хотѣла уже вернуться къ себѣ, по желанію непременно увидѣть Донскаго, близъ, что не будетъ въ другой разъ имѣть достаточно силъ для разговора, если пропустить этотъ слушачъ, остановилъ ее. Сѣть въ затѣ, смѣжной съ комнатой матери, она задумалась, но обмыкненіе смотрѣло въ окно и вскользъ не обраприла винквицъ на разговоръ, который долеталъ до нее.

Постепенно голосъ говорившихъ становился все громче и шумъ этотъ, достигнувъ сїхъ Мани, вывелъ ее изъ задумчивости и заставилъ вздрогнуть, какъ бы отъ предчувствія какаго-то нового горя.

Увидѣла я, подумала она: — нехорошо, что я могу ихъ услышать. Она поднялась со стула, пошла и замерла, въ побѣдѣнѣ и опирясь на спинку стула — съ нимъ, произнесенное горячимъ, раздраженнымъ голосомъ Донского, дозѣтъ до нее.

— Боже моя, что еще меня ждѣтъ? пронеслось въ головѣ Мани и она услышала гиблую рѣчу Донского.

Хороша вина помощь, чѣмъ не кричать она, обращаясь къ Олимпиадѣ Семеновнѣ: — Вы не могли уговорить дѣтчицу, не слушать запугать ее!... — И пропозиція, возразила та: — да, грозила.

— Позадѣ, я вѣстъ не первый годъ знаю. Охота съѣсть кого-нибудь, выше вѣтъ. Знаю, какъ вы завѣдуете...

Маня вѣтъ себя отъ ужаса, быстро добѣжала до двери, хотѣла отвѣтить ей, сказать, что она сама, но остановилась безъ движенія, блѣдна, блѣдна, блѣдна въ обморокъ, пораженная тѣмъ, что она слышала дальше...

Такъ, безъ звука и шума, упала Маня на полъ, дышащихъ чѣмъ.

Недолго длилась разговоръ Донского съ Олимпиадой Семеновной; онъ распахнулъ сердито дверь въ залу и остановился, увидя на порогѣ Маню въ обморокѣ. Онъ понялъ, что она слышала все, понялъ также, что если въ дѣлѣ для него кака-нибудь надежда, то все это и нынѣтъ порвено въ эту минуту. Но нѣкогда было разсуждать или ствѣтъ: никогда не терпѣвши Донской подѣлъ Маню сильными руками и отнесъ ее къ комнатѣ, предоставивъ горячинѣ позабыться о ней и привести ее въ чувство. Олимпиада Семеновна хотѣла тѣхъ вѣтъ въ ее комнатѣ, но Донской остановилъ ее.

— Неужели въ вѣтъ такъ мало таѣта, что вы хотите теперь вѣтъ къ ней? сказала она. — Развѣ вѣтъ не помнитъ, что она все слышала?

Олимпиада Семеновна отошла отъ двери, за рѣзу которой увѣзлась и въ первый разъ что-то скажется въ ее сердцѣ.

Однако Маня была продолжѣніемъ: она очень долго не могла прийти въ себѣ. Донской сѣдѣлъ за докторскимъ, блѣдаго стараниямъ которого зѣвнула, вакхонѣкъ, очнулась.

Открыла глаза, Маня еще не скромно пришла въ себѣ: она не сознавала и не помнила того, что случилось съ ней, и ей казалось только, что она очнулась отъ долгаго, тяжелаго, болѣзнишаго сна. Мало по малу она стала проминать слущинническо и вспоминать ужасныя, салтычныя ею слова; они учительницы, давали ее, но освободиться отъ нихъ, забыть ихъ не было никакой возможности. Бѣдная зѣвнула страдала пристрастиемъ, а физическая болѣзнь въ ея болѣѣ дѣлала тяжелымъ ее позальное положеніе.

Между тѣмъ докторъ, молодой человѣкъ, съ зѣбкими извѣсами и умными, открытыми зѣмами, отдалъ нужную пріказаніе горячинѣ, вышелъ въ залу. Здесь ждалъ его Донской, смущенный и побѣдленный.

— Вы родственникъ больной? прямо обратился къ нему докторъ.

— Да.

— Какъ же не грѣшно было до того запустить ее болѣзнь? Теперь трудно и рѣчаться за нее.

— Запустить? удивленно повторилъ Донской. — Но она только сегодня захворала.

— Толькогоджетъ? переспросилъ докторъ. — Ну, такъ что сегодня ее убило. Если вѣтъ въ положеніи могъ видѣть результатъ продолжѣнія болѣзни, дѣло бы можно еще спасти, но если краинъ послѣдовало внезапно, результатъ неизѣбѣнъ.

— Не говорите, со страхомъ перебѣгъ Донской, скрывающій его за руку. — Скажите вѣтъ, что она будетъ спасена; вѣдь надежда есть? не правда ли?

— Вѣжли, что вы принимаете въ больной бѣзше участіе, сказала докторъ, не отвѣтъ на вопросъ: — странно, что вы не могли убѣречь ее отъ этого, чтъ бы приводилъ перенести сегодня: — она вытерпѣла какое-нибудь сильное нравственное притесненіе.

Донской потянулъ голову, и только могъ тихо, почти шепотомъ, спросилъ:

— Чѣмъ же у нее?

Скоротечная чахотка. Наука говорить, что болѣй осталось жить не больше недѣль, тѣмъ болѣе, что и ватруса ее не можетъ противиться успѣхамъ болѣзы.

— Быть можетъ, Богъ сжалится... началь по-терянійшись Донской, самъ не вѣръ себѣ, что она могла сказать такую фразу.

Докторъ показалъ плачами и мозга попошъ къ двери.

— Я буду прѣѣзжать по два раза въ дѣнь, проинзвѣшь съ нимъ на порогѣ, не оборачиваясь.

Бѣдная Маня оставалась совершенно одиночко; Донской не смѣлъ входить въ нее, хотя часто по пѣчальному часамъ пространствъ у дверей комната, прислушивавшись къ ея дыханію. Теперь только понять ей, какъ не любить и понять... и горло ему стѣло. Отрезвленныи газами взглѣднувъ онъ на себя, на всю свою жизнь и понять, какъ низко упалъ. Уходя въ свою комнату, онъ пакалъ какъ ребеночка, но его не облегчали эти слезы рѣканія, уже позднѣе; дѣло не въ томъ, что онъ не могъ быть спасенъ; Маня уже была обречена на смерть скорую и ужасную. Въ несколько днѣвъ Донской осунулся, даже поѣздѣлъ. Каждый дѣнь съ замѣрзающимъ сердцемъ спрашивалъ онъ о Манѣ доктора, и выслушавъ его отвѣтъ: «ухуе, развязка скорой», становился еще грустнѣй и отчѣнѣнѣй. Олимпиада Семеновна не выходила изъ этого вѣтъ вѣчно: она сидѣла въ своей комнатѣ, отъ зѣвнѣнія, отъ синевы и отъ краснѣнія.

Маня, между тѣмъ, слѣдѣла все болѣе и болѣе и видимо приближалась къ смерти. Она не могла сознавать своего положенія, но не пугалась его. Сознаніе того, что ея жизнь разѣтъ совершилось, соединилось въ ней съ сознаніемъ, что начать новую, все развѣ не достало бы силъ. И пѣльдѣ днѣвъ днѣ и ночи безъ сна лежала она, пугнувшись къ забѣдѣвшихъ своихъ мыслей. Только докторъ видѣлъ она въ своей комнатѣ; она видѣла, что онъ забылся вѣтъ въ одинъ разъ замѣрзъ, какъ она, отоѣдя отъ ее постеля, отъ зѣвнѣнія, отъ грустнѣнія, отъ синевы.

— Нѣтъ, есть и хорошие люди, думала успокоенная Маня: — а совсѣмъ отчѣнѣлся! И она умѣла умѣлъ радостно.

Днѣвъ черезъ синъ поѣздила бѣзъ зѣвнѣнія, докторъ вошелъ въ комнату Донскаго.

— Сегодня! сказала она ему сухо, но сильнѣозвѣзданно: — съ болѣй быть сильнѣй, послѣдний припадокъ. Кровь шла горько, долго и большаѣ нѣсколько разъ липшилась чувствъ. Приготовили, если что видѣть болѣзнь; она пріѣхала изъ сини: она не проживала болѣе однаго днѣя. И сѣдѣла свое и боролась сколько могъ, но не прѣѣхала: прѣѣхала съ зѣвнѣніемъ, вѣтъ въ зѣвнѣніи, вѣтъ въ зѣвнѣніи, вѣтъ въ зѣвнѣніи.

Словно не пороги Донскаго, она уже оставила ихъ въ горѣ. Она передѣзъ прыговъ докторъ Олимпиадѣ Семеновнѣ и распорядился, чтобы свиценикъ былъ готовъ пригото-вѣтъ, когда онъ приѣхалъ.

На другой дѣнь Донской и Олимпиада Семеновна были очень извѣзованы. Они не удавились, когда горячинѣ сказала имъ, что Маня хочетъ вѣтъ видѣть. Тихо ступая, вошли въ ее комнату: Донской, съ глазами полными слезъ, Олимпиада Семеновна, не смѣя поднять глазъ. Въ комнатѣ были спущены сторы, и вообще по обстановкамъ ей видно было, что въ нѣмурѣиціи. Маня сѣдѣла на постели, опираясь на подушки, сложенные какъ ей спину. Она была страшно блѣдна и худа, синие круги подъ глазами и нервный чахоточный румянецъ на щекахъ говорилъ о скромномъ разсѣтѣ съ жизнью. Увидѣла ее Донской ужаснулся прописавшей съ ней пріѣзѣмъ.

— А!... вырвалось у него со стономъ изъ глубинъ сердца и она отвернула отъ него его дрожа-щимъ, холодающимъ лицомъ.

Маня тихимъ жестомъ подозвала къ себѣ и, внимательно посмотрѣвъ на Донскаго, притянула ему руку, которую тотъ цѣпоцѣдалъ.

— Вы ми любите, прописалъ она страваннымъ голосомъ, съ какимъ-то металлическимъ отѣнкомъ: — Богъ проститъ васъ, какъ въ процію. А вы, обратились она къ дрожавшей Олимпиадѣ Семеновнѣ: — прошите его, что онъ вѣдь былъ помилованъ: — прошите его, что онъ вѣдь былъ помилованъ: — прошите его, что онъ вѣдь былъ помилованъ.

— Помилованъ: — прошите его, что онъ вѣдь былъ помилованъ.

Рыдан и плака, упала на колени Олимпиада Семеновна.

— Прости, прости меня, несвящено шептала она. Вместо ответа, Олимпиада Семеновна свою руку ей на губы и столько было кротости и безконечной добродетели в прикосновении этом, что неизъяснимо повторять слова прощания.

Мария задумалась; все молчали.

— Я много думала, начала она слабоющимъ голосомъ: — я все передумала: мыль больше не для чего жить. Не для чего, повторила она: — а я такъ молода и мыль жить, вспомни, хочется. Страшно умирать, когда еще щѣль жизни была шире... Крупные слезы покатились по ея лицу и она упала на подушки.

Въ это время вошла въ комнату старичка-священникъ въ облаченіи.

— Удите всѣ, прошептала, замѣтивъ его, Мария. — Вы приедете послѣ, если вамъ не тяжело будетъ смотрѣть, какъ я буду... умирать...

Донской и Олимпиада Семеновна вышли въ залу; послѣдняя, сѣвъ на диванъ, направо старалась удергать слезы. Донской не плакалъ: онъ прижался горячимъ лбомъ къ оконному стеклу и шепталъ не то молитвы, не то проклятия.

Большая арка моста въ Шимонѣ.

Скоро вышелъ и священникъ: онъ былъ видимо разстроенъ. Олимпиада Семеновна и Донской снова вспали къ Марѣ. Она лежала и улыбка освѣтила ея измѣненное лицо; слезы дрожали на ресницахъ.

— Мыль легко теперь, шептала она такъ тихо, что слова ей надо было угадывать по движению губъ. Богъ дай мыль спаси отъ эту тяжелую минуту, и я умру счастлива, прощая Богомъ и простить людей.

— Простите и прощайте, произнесла она уже сдѣла смысли.

Мгновенная тѣнь набежала на ея лицо, губы скжались съ выражениемъ гости и страданій, глубокий вздохъ вырвался изъ груди, она выплынула и проплыла.

— Боже мой, прими меня... произнесла она неестественно-громкимъ голосомъ. Прокляя узьмы освѣтила ея лицо, которое стала еще чище, еще прекраснѣе — и все было кончено...

Съ всплескомъ упала на полъ Олимпиада Семеновна; Донской, странно побѣгдѣвший, скжаль руки, такъ что хрестину пальцы и обвѣда вокругъ мутнымъ взоромъ, выѣбѣжалъ изъ комнаты...

Бѣло.

Ваниль.

Ароматная приправа, придающая многимъ кулинарнымъ особымъ вкусъ, состоитъ изъ боба, расщепленного на ванильники. Растеніе это принадлежитъ къ высохшимъ, въ видѣ лозъ, съ длинными гибкими вѣтвями. Гастрѣю оно въ тенденціи единомѣтъ, особенно въ Мексикѣ, Порту и Бразилии и вывезено въ Европу за триста лѣтъ, когда испанцы покорили Мексику. Оно же и называло растеніе ванилью, то есть, стручкомъ. Листы ванильника широкіе, жесткіе и зубчатые, цветы блѣдые, жадные и красивы, въ видѣ небольшихъ лилий и зацѣахъ отъ нихъ удивительныхъ. Плодъ состоитъ изъ длинного стручка, сморщенаго, темнобрюшаго цвѣта, иногда усыпаннаго мелкими кристаллами, называемыми ванильной камефорой; внутри стручка молеки черныхъ смѣнъ. Туземные жители любятъ приправлять свои кушанья ванилью и ссыпываютъ стручки, когда они еще не совсѣмъ высохли и не расстѣкались. Чтобъ не дать имъ высохнуть, ихъ смазываютъ масломъ, связываютъ кучками, закупориваютъ въ жестяные коробочки и пересыпаютъ въ Европу, где ваниль прѣнится довольно дорого и употребляется не только для

пахощи и только показываетъ, какъ причудлива и разнообразна природа въ своихъ твореніяхъ.

Женскіе моды въ 1868 году.

Въ прошломъ году, женскіе моды уже были довольно экзентратны. Кринолинъ былъ отброшенъ на избѣгшее времена, потому взялся въ другомъ видѣ, поддерживая только силуэту ширину и длину косыхъ юбокъ. Женщины, прежде полны, казались теперь сверхъюнкими зонтиками, особенно съ короткими платьями и въ длинныхъ сапогахъ. Шляпки были незамѣтны, за то шиньоны получили такой размѣръ, что модницы казались пухлыми и сортъ.

Эти моды перешли на наслѣдству и на 1868 годъ, который взялся подновить ихъ. Впрочемъ, перемѣнъ еще незамѣтно. Одѣвались на баль также долго. Въ послѣдній минуты, всегда находятся чѣ-нибудь передѣлать или перешить, и бѣдный мужъ или отецъ изѣколько разъ спрашивается: готова ли барышня или барышни. Но мудрено, что публика собирается вѣдѣ поздно, и что нѣтъ возможности начать въ назначенный часъ

Ваниль.

Дорога къ храму Светисховели, въ Шиоцѣ.

зраправы кушанье, но и въ медицинѣ, потому что она возбуждаетъ упавшія силы, оживляетъ нервы.

Ваниль растетъ на своей родинѣ безъ всякаго ухода и считается дикимъ растеніемъ, но многие плантаторы разводятъ у себя этоѣ кустарниковъ и добываютъ большое количество стручковъ, лучшаго достоинства, которыя продаются еще дороже. Мексика могла бы добывать много торговаго ванилия, но, при безпрерывнѣи неурядицъ, мало кто заботится о томъ, что даетъ природа безъ всякаго труда, а устроившіе извѣніи никто не думаетъ. Объ этомъ заботится, большою частью, одни европейскіе переселенцы, которые скоро обогащаются въ Новомъ Свѣтѣ.

Павлинъ-лира.

Павлинъ самая красивая изъ птицъ, по блеску и яркимъ краскамъ своего пера, который развертывается, какъ опахало. Къ этой породѣ принадлежитъ и павлинъ-лира, у которого первыя хвосты подымаются кверху и образуютъ форму лиры. Эта красавица порода водится въ Индии и Индии, не отличается ничѣмъ отъ обыкновенныхъ

какое-нибудь увеселеніе. На концерты собираются ко второй части, въ спектакль ко второй пьесѣ, такъ что вначалѣ поиродичные артисты не соглашаются играть, и надобно присыпывать такихъ, которымъ выгодно показывать свои таланты въ чистой пѣѣ.

Нѣтъ и повторять, что къ хорошенькой женщины идетъ всякий нарядъ, а въ изысканныхъ мажахъ почти нельзѧ скрыть никакаго недостатка. Лицыձѣются до того мала, что не вѣрь, ни бѣгутъ огромныхъ размѣровъ, не прикрываются бѣста. Придѣланы расплакать по плечамъ и спины не локти, а щѣки придали вздоръ, едва крошившихъ, но и это небольшой покровъ для скромности. Косы юбки отыгиваются совершенно стѣнъ, такъ что и тутъ обманъ невозможенъ; ноги должна быть тоже безупречна, какъ въ короткомъ, такъ въ длинномъ платьѣ, потому что шѣль не скрываетъ ничего. Рисовъ пудра въ такомъ же почтѣ и бѣдны албомъ не смыть поцеловать блѣдную щеку своей нѣсть, боясь стереть пудру, бояться прикоснуться къ ея длинному локотю, подсѣрѣзъ, что она не изъ селъ. За то можно писать пріаміи на вѣтре, который служить вѣстою албома, мо-

жет держать матки, когда красавиц вадумается разработать, и если, сдѣлавшись мужем, она избѣдет перемѣну в наружности своей супруги, то может уѣхать тѣмъ, что для другихъ она все также хороша, если прощить нѣсколько часовъ за туалетъ.

Развалины и курганы на озерѣ Сурпилл.

(Окончаніе).

Въ Конно, на берегу Вили, еще недавно были

развалины. Въ настоящее время отъ этихъ развалинъ, почти не осталось и слѣда. Описаніе завоеваній ковенскаго зѣмка, находившегося въ XI отдельѣ хроники Вигандіа 1362 года, относится къ этой мѣстности. Для большаго усиленія появления о древнихъ литовскихъ замкахъ, и для поясненія способа веденія тогдашніхъ воинъ приводимъ это описание.

«Генингъ, полководецъ крестоносцевъ, приказалъ приставить къ стѣнамъ, которымъ были очень

высоки и крѣпки, машины и спаряды для штурма для разбивания стѣнъ, и причина изъ сильной вредъ осажденному замку. Подобными же машинами и бранденбургскими разрушали стѣны. Упомянутые плотники, особенно Марквортъ, соорудили еще машины такой высоты, какъ стѣны замка и спустили ее (спускалъ Матыши), въ ровъ, на особую платформу, где находились уже браты изъ Рогинъ.

Далѣе о взятии этого замка авторъ говоритъ... «а послѣ совѣта, мастеръ Винрикъ наподиалъ ровъ водой, и поднялъ машину на уровень

Женская мода въ 1868 году.

развалины старого литовскаго замка, стѣны котораго состояли изъ бульварника, сѣзленаго извѣстью, и хотя тогда уже не существовало одной стѣны, именно обращенной къ рѣѣ, которая обрушилась, вѣроятно, подмѣтая весенними разливами, однако, можно было еще видѣть что это были оборонительные стѣны, расположенные въ видѣ четырехугольника, съ башнями, по угламъ которыхъ уѣзжали только дѣ; въ прошлости же, заключившемъ въ стѣнахъ, вѣроятно, были прежде казнили будущей постройки для гар-

мыхъ, по такъ какъ металъ стрѣль, корій и прочихъ снарядовъ, произвѣдилъ большой уронъ въ осаждавшихъ войскахъ, то она пронуждены были отступить. Тогда мастеровъ, плотникъ изъ Мальборга, Марквортъ устроилъ машину называемую таранъ (machinam sive arietum), въ ihmъ имѣвшую подъ именемъ тишель, которую удалось ему сбить одну изъ башенъ, именно лежащую на сторонѣ, обращенной къ Иману; другой же плотникъ изъ Круелланъ Матыши устроилъ другую машину, на подобіе первой, которая слу-

чила стѣною, такъ что осаждавшіе легко могли во ней взойти на стѣны, а чрезъ наброшенный мостъ пройти въ замокъ. Но подоноклонники, высовывая колы изъ за стѣны, мѣшили паведи моста; крестоносцы же, съ своею стороны, продолжали сильно нападать, воюя день и ночь, чтобы не дать отдыха осажденнымъ. Однако, и христіане сильно терпѣли отъ отчаянной обороны язычниковъ, которые, преобразившись по галерезѣ въ башни, выходившую на рѣку Нергу, сильно разыграли христіанъ, пока, наконецъ, ма-

стера Марквартом своею манифесту не сбить башни, вмѣстѣ съ защищавшими ее, въ рѣку, и тѣмъ не положить конецъ битѣ, покоривъ гордость земли».

Приведу еще изъ Стрыйковскаго сдѣланныхъ мѣсто: «Завѣтное время уничтожило этотъ замокъ (Гедропы), такъ что отъ него осталось едва замѣтны одно только городище, потому что городъ, какъ и теперь, въ Литвѣ существовалъ обычай строить замки, да и самые города изъ дерева, это и было причиной того, что въ сѣверныхъ странахъ такъ мало сохранились древнихъ построекъ».

Изъ развалинъ Западного-края замѣчательны другіи замокъ Раѣгродъ, который называются замкомъ Трайбена.

Объ основаніи этого замка хроника Стрыйковскаго на 1279 годъ разсказываетъ слѣдующее:

«Собралъ литовское войско, Наримунту съ братомъ своимъ Трайбеномъ, поѣзъ изъ Подляска, и такъ какъ Игнатъ помнилъ еще свою недавній отпоръ польскимъ, за который поплатились своимъ головами, то и не сопротивился Наримунту, вслѣдствію князя литовского и подчинились ему. Впослѣдствіи Наримунту отдалъ это княжество, вмѣстѣ съ подданными, въ удачу брату своему Трайбену, который завладѣлъ этими княжествами совершиенно; укрѣпилъ свои границы со стороны прусскихъ крестоносцевъ и мазровъ, и сталъ величаться уже княземъ княземъ ливонскимъ, подданнымъ въ дайновскими. Отправившись однажды разъ на охоту, онъ случайно набрѣзъ на прекрасную гору по берегу реки Бобра. Эта гора ему такъ понравилась, что онъ основалъ на ней замокъ и назвалъ его Раѣгродъ».

Этотъ замокъ Раѣгрудъ на Войтѣ называется Герайдъ, а на Вигандъ-Гандуре, и послѣдній говорить по поводу его Раѣгрудъ:

«Межъ тѣмъ, донесено было громесмѣсту, что король краковскій (было это въ 1360 году, сдѣлано Казимиръ великий) выстроилъ на границѣ своей форты Ронгардъ съ неизрѣзанными пѣрами, и снабдилъ этотъ фортъ большими чвѣломъ войска. Громесмѣстъ, уведомленъ письмомъ объ этомъ, добавилъ, что подобный построекъ сдѣлана съ целью занесенія щипера ордену. Тогда магистръ вмѣстѣ съ комендантомъ города Балты и Бранденбурга, съ предводителемъ (войтъ) самондскими и другими, началь на полномъ разгromѣ эти укрепленія и вышелъ до основания».

Литовскій польскій добавляетъ: «Несколько, какъ судьба постигла этотъ городокъ Ронгардъ, прежде неожиданно онъ сдѣлалъ себѣ собственностью генералъ Ганскинъ; изъ нихъ Михаиль липовъ былъ своимъ имѣніемъ, который въ 1509 г. принялъ I передала поводъ Радзивиллу по праву наследства. Но пропустивъ изѣстнаго времена Раѣгрудъ, можетъ быть, вслѣдствіе общныи, сдѣланъ королевскими иѣмѣніемъ».

Въ разсказѣ Стрыйковскаго, который повторяетъ и другіе, сказали, что замокъ Раѣгрудъ Трайбенъ находился на берегу реки Бобра, а фортъ, укрѣпленіе Раѣгрудъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ построено не надъ рѣкой, а надъ озеромъ, которое называлось Ежиемъ. Лѣтъ, Ленкъ, и изъ которого горадо лѣже къ свѣрху вытекала река Ежика. Можно было бы допустить, что историкъ, обѣ реки Ежию и Бобру привыкаетъ за одну и ту же, но тѣль какъ эти два стечія стояли: одна надъ рѣкой, другая надъ озеромъ, то смынти рѣку съ озеромъ невозможно. Такая грубая ошибкѣ Стрыйковскаго, историка точнаго, до мелочей, трудно допустить, тѣмъ болѣе, что она сама когда то лично постынила всѣ эти мѣстности. Стало быть, нужно допустить, что Трайбенъ дѣятельно соорудилъ себѣ замокъ где-нибудь надъ рѣкою Бобромъ, но что фортъ, наимъ описываемый, есть именно тѣ, о которыхъ повѣстываетъ Вигандъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что если крестоносцы не потерпѣли постройки крѣпости Зигмундомъ близъ своихъ границъ и оттѣхъ же напали на него и разрушили, то какимъ образомъ они могли перенести съ покоростью собственность Трайбена, человѣка неисковскаго, склоннаго къ захватамъ, и допустить существование замка, который бы господствовалъ надъ ими землями къ прямой путь невѣдомъ. Нужно взять во вниманіе то ешь, что Трайбенъ самъ царствовалъ въ странѣ, которую онъ привелъ въ свое владѣніе, и былъ супругъ къ своимъ под-

даннымъ, а потому имѣлъ внутри государства много враговъ, кроме неизрѣзанныхъ союзей по-литовъ, мазровъ, крестоносцевъ, и замокъ, стоящий на мѣстѣ описаннаго нами форта, на томъ близкомъ расстояніи отъ неизрѣзаныхъ княжествъ, никакимъ образомъ не могъ бы уѣздѣть долго. Называніе здесь не составляетъ большой важности; есть же еще Раѣгрудъ городокъ на Бугѣ, близъ Брандиса, есть въ тѣхъ же мѣстностяхъ и деревни Ронгардъ; почему же не могъ существовать и изъ Бобры замокъ Трайбена того же названія.

На такое предположеніе находитъ и сама крѣпость, потому что хотя она и лежитъ въ такомъ мѣстѣ, какую литовцы по преимуществу выбирали для крѣпостей, но окрестности озера Лецко, таковы, что еслибы кто вздумалъ строить форты, то не могъ бы выбрать болѣе соответственнаго укрѣпленія самою природой мѣста.

Чтобы разсказать этотъ вопросъ, сдѣлалъ бы осмотрѣть мѣстность на рѣкѣ Бобре и поискать какого-нибудь слѣда замка и замѣты, сличить съ показаніями Стрыйковскаго.

Развалины этой крѣпости находятся на вос точномъ берегу озера, отогнувшись за церковью Укрѣпленіе имѣло форму четырехугольника, состоявшее изъ бѣговыхъ саамъ пауэрката, на которомъ была построена эта крѣпость. Стѣна этого четырехугольника, соответствующая оконечности полуострова, выстроена изъ обѣрѣй, который черезъ короткое время уходилъ изъ водъ. Две боковыя стѣны вѣсколько болѣе отогнули и на серединѣ были отсыпаны узенькой площадкой, успомъ, на подобіе дорожекъ; четвертая сторона побѣгъ находитъся въ соединеніи съ материаломъ построекъ узенькаго перешейка, который лежалъ можно было проходить и укрѣпленіе окружено водой со всѣхъ сторонъ. Съ верхней курганъ открывается великолѣпный видъ на озеро и его окрестности.

Обѣрѣи, лежащій во многихъ мѣстахъ трамы, показываютъ глинистый грунтъ, покрытый только сверху слоемъ чернозема въ футъ толщиной. Всестоинъ также глибъ и ливни, смывавшіе эту обѣрѣнную сторону и уносить все съ нее поверхности внизъ.

На вершинѣ этого обѣрѣя есть остатки фундамента, обломки кирпича и обгорѣлыхъ балокъ; внизу же множествомъ черепковъ глинистыхъ посуды, гробу выланной, кусокъ зеленоватаго стекла, какъ будто выбито изъ окна, бронзовыя бляшки, зѣбриновыхъ kostей и одинъ глиняный сосудъ, почти совершенно уѣзжанный, вымытъ, какъ видно, водой изъ самой горы. Представьте себѣ лѣвъ мыши въ 8 лѣтовъ въ лѣстѣ, со стѣнами въ $\frac{1}{4}$ дюйма толщиной, которыи были въ измѣненіи прилагаемы другъ къ другу дномъ, такъ чтобы одна мышка слушала для вымѣщенія жидкости, а другая въ это же время служила для вымѣщенія жидкости. Потомъ какъ будто изъ найденой сосудъ. Форма его походила на яйцо, бронзовыя бляшки, зѣбриновыхъ kostей и одинъ глиняный сосудъ, какъ по величинѣ, такъ и отдельно, здесь не мало, но каково было употребленіе этихъ сосудовъ — отгадать трудно.

Предлагай о фортъ разграждено нельзя доказать, какъ будто въ вымытыхъ обитателяхъ этой мѣстности было никакой связи съ прежними жителями. Впрочемъ, подобное забѣженіе древнихъ памятниковъ повторяется почти вѣдѣ.

Другой оборонительный курганъ Сурины лежитъ на разстояніи двухъ часовъ къ свѣрху-за югу отъ Суналово, въ границахъ мызы Еловецкой между озерами Сурины, Еловецкъ и Тхилице, лежащая очень близко одно отъ другого. Курганъ этотъ — возызвѣшъ, которое сама природа сдѣлала неестественнѣ, а рука человѣка увеличила еще болѣе это качествъ. Курганъ называется Замковою горою или крѣпостной. Но название Сурины отъ имени озера или сопѣщей деревни Народы не прилагается къ этой горѣ. По преданию на горѣ стоялъ замокъ, въ которомъ король Ягелло проживалъ иногда на охотѣ. А когда на горѣ стоялъ замокъ, въ которомъ король Ягелло проживалъ иногда, пріѣзжалъ на охотѣ какъ эта страна въ то время наблюдавшая земли зѣбринъ. Собственно же название замка совершенно забыто.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПІСЬМА.

Увеселеніе Петербурга въ свое удовольствіе и въ пользу «страдающихъ отъ неурожая». Концертъ, маскарадъ и спектакль. — Г-жа Лукк и ее концертъ. — Бенефис Напталъ-Арио. — Остасеніе театра г-жо Вольвасъ.

Все прошлую недѣлю была перенесена праздніками и удовольствіями всякою роды. Петербургъ отпраздновалъ столькій юбилей для рожденія нашего великаго басносица, но объ этомъ юбилѣ имѣющемся огромное значеніе для нашею отечества, мы говоримъ въ первомъ отдѣлѣ нашей газеты, а здесь скажемъ вѣсколь словъ объ веселейшихъ другого рода — въ пользу нашихъ голодавшихъ братій, или, какъ выражаются официально: «въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая», хотя первое выраженіе лучше уже и потому, что короче и проще. Какъ бы то ни было, но въ пользу этихъ нечастыхъ нашеихъ въ короткое время сдѣлано, сравнительно, не мало. Въ себѣнѣйшей конторѣ императорскаго высочайшаго Песаревъ собранъ уже болѣе 300,000 руб., для распределѣнія которыхъ учреждена особая комиссія. Въедакціи газеты «Голосъ» собрано болѣе 2,800 руб. Редакторъ другой газеты пригласилъ своихъ собратій составить какой-то редакційскій вечеръ, но на приглашеніе его отозвалась только одинъ землемѣръ и рабо-владѣльческій органъ, членъ пріѣзжаго края удивлены, хотя, очевидно, что и наѣзжавшіе имѣли ожиданіе со стороны другихъ редакцій. Нѣкоторые изъ нашихъ клубовъ также вѣскольсъдѣли для пособія бѣднѣющимъ. Птиція, 2-го февраля, была съсѣдъ посещена увеселеніемъ въ пользу голодающихъ: устроено на Маринскомъ-театрѣ маскарадъ, въ которомъ въ Большомъ-театрѣ члены концерта, въечеръ въ Большомъ-театрѣ маскарадъ, съ лотерею азартъ. Стеченіе публики было огромное. О суммѣ, вырученныхъ въ этотъ день, сѣдѣйтъ еще не имѣется, но онъ должны быть немаловажны. Мы же желали бы, чтобы въ распределѣніи всѣхъ этихъ суммъ между нуждающимися печатались самыи подобрѣй сѣдѣйтъ. Вѣдь это дѣло совершенно чистое, и пособія будутъ раздаваться, будь малѣйшимъ сомнѣніемъ, съ чистыми руками, стадо быть, тутъ все должно быть ясно и гласно. Вѣдь вѣтъ никакаго стыда принять помощь отъ богатаго брата тому, кто страдаетъ не отъ своихъ винъ, а отъ сурьмы природы и случайныхъ обстоятельствъ, независимыхъ отъ его воли.

Кромѣ увеселеній въ пользу нашихъ соотечественниковъ, 1-го февраля былъ концертъ въ пользу нижнѣйшихъ бѣднѣющихъ, данный г-же Луккъ. Въ этомъ концерте она пѣла только однѣмѣсячный романсъ.

1-го же февраля, вечеромъ, въ залѣ дворянской собраний былъ концертъ г-жи Луккъ, въ пользу недостаточныхъ студентовъ медико-хирургической академіи, тоже своего рода «страдающихъ отъ неурожая», только постороннаго. Это былъ второй концертъ, даванный знаменитому пѣвцѣ: этимъ добрымъѣлью она еще не закончила свою дѣятельность, но передъ отѣзгомъ изъ Петербурга еще посѣдѣлъ разъ на сценѣ, въ роли Перніи, въ бенефисѣ Граніа, въ концерте въ пользу голодающихъ и въ концерте Вѣнницкаго и Давыдова. Столько же, сколько и ея чудный голосъ, останется въ памяти Петербурга и въ готовности принять участіе въ добромъѣльѣ и въ старинѣ пристрастіи нынѣшней публикѣ, которая, для нея чуждо и съ которымъ ее соединяетъ только ее талантъ. Положеніе медицинскихъ студентовъ особенно обратило на себя вниманіе жителей. Впрочемъ, подобное забѣженіе древнихъ памятниковъ повторяется почти вѣдѣ.

Публика, съ своей стороны, откликнулась на добре дѣло, и гордина зала дворянскаго собрания была буквально переполнена. Этому содѣ-

поможилъ г-жу Луккъ, охочую帮忙ицъ за излеченіе этого земли.

составлять также удивительный состав концерта, хотя число исполнителей — нумером и исполнителями было не велико. Последними, кроме г-жи Лукки, были: молодежь, но уже приобретшей известность своей выдающейся в высшей степени замечательной игрой: скрипач Вильгельмы, и новая обивка русской скрипичной притчи — Яровская. Вильгельмы выбрала для концерта два произведения: «Air Hongroise» Эрнеста и «Air» Баха, и испытывала обе превосходно; посыльная была, но единственно требованием публики повторена. Нам давно не приходилось слышать такой симпатичной игры на скрипке, этому чрезвычайно понравились инструменты. Извините пуще, медленность звука, хорошая манера игры, без всяких изъев на пл., чему неведущий и только утомленные скрипачи-тестеры, музыкальных фокусов — отличительная черта газеты Вильгельмы; скрипач плз за его руках и слушателям неподвольно переносится за эти изысканные, гармоничные звуками в мир фантазии, чувства, молодости.

— Где Ивановская, воспитанница эдзииной консерватории? — спросил я у мэра: «Од фатал», — на «Од фатал». Видимо в письме из неизвестных мотивов, разыгрывавшегося Руинштейном. Голосом этой маленькой птицы сказала и чиста и настаивала на его обширности, ровенько на всех регистрах. Валерия хотела, что ящик бы вытащил у контрабаса, у него неожиданно птица и вообщем птица состоялась — прекрасное приобретение русской оперной труппы, где она с большим успехом заменила Есенину и Шредера. Нубинка встричала и в театр с восторгом эту птицу, в роли Зои, в возобновленной «Жизни за царя», со Сусаниным-Васильевыми. Но пальма первенства принадлежала, всегда, г-же Лукке. Ее встричали и привозили оглушительными рукоплесканиями и, говорят, с которым было принять скандый ее русский романеск. «И помню все, который и был ее повторен. Кромъ «Стебла» и арио «Abendstern» из Таунгезера. При первомъ ее выходѣ на эстраду ей были поднесены двумя студентами-распорядителями букет и большій вѣнокъ, въ срединѣ которого буквы, составленные изъ бѣлыхъ камней, было изображенъ слово «спасибо».

По окончании концерта нѣсколько человѣкъ изъ постороннихъ поѣзжателей и медицинскихъ студентовъ встрѣтили г-жу Лукку, уже садившуюся въ карету, на подъѣздѣ, а одинъ изъ студентовъ поблагодарилъ ее за имена всѣхъ творицъ, прияніе коихъ имѣлъ въ виду. «Мыѣ самой надо поблагодарить васъ за то, что вы дали миѣ случаѣ сдѣлать доброе дѣло», отвѣтала пѣвица...

Оркестр тоже способствовал интересу концерта, и под управлением г. Направника, превосходно исполнил увертюры изъ «Рю-Блаза», Мендельсона и изъ «Оберона», Вебера.

Вообще концертъ этотъ удался вполнѣ и на-
долго оставилъ приятное впечатлѣніе во всѣхъ
посѣтителяхъ.

— В «Ильинском» году была мюзикл на Дома-сына почти весь репертуар его игрался с большим успехом на сцене Михайловского театра. Напалт Арии вздыхала возлюбленной, в «Святой Фанции» одну из мещадрани Дядя-отца и искала сказать, чтобы выбрать было очень العذقان. В «Монстрик» честь, написанных им под псевдонимом Дома-отомп, можно было выбрать что-нибудь лучше и естественнее разгромленной мелодрамы «Антония», которая игралась тридцать пять назад, даже у русских». Тогда эта шатая сильв, потому что романтизм был в большом моде и неправдоподобные характеристики приводили; генер же, несмотря на галант исполнителей — художественные монологи, прекрасные эффекты вызывали только удивление в сознании, что бывшие артисты зачинали такую чепуху и страдали пыть дѣйствій, наводя унылый на публикѣ. Разумѣется, в день бенефиса, встрѣтился г-ж Напалт продолжительными аплодисментами, поднесли ей беззаслуженные бусеты, громадные вѣнцы, несколько корзин с цветами, бриллианты, но все это относилось к артистѣ, а не к пьесѣ. Правда также, что прерывая дѣйствіе, чтобы аплодировать длиннѣйшим монологам и вызывать в апракатах и посеред дѣй-

ний, но и это надобно приписать, говоря учи-
ти—глореобразству нашей публики. Сама же же-
нодрама кажется теперь дикою и когда раздаются
своёздные знаменитые слова пьесы: *Elle m'a résisté*
Fai assassinio, то посыпаются схвѣты и даже
стаканы. Однако, двухъ исполнителей вызываютъ,
несколько разъ, чтобы выразить имъ бла-
годарность за артистическое исполнение необык-
новенныхъ, тяжелыхъ ролей. Кто не знаетъ сюже-
тъ Аントона? Этотъ молодой человѣкъ богатъ и об-
разованъ, но страдаетъ и проклинаетъ свою судь-
бу, потому что онъ незаконнорожденный и у не-
бѣтъ родныхъ, нѣтъ имени. Въ наши времена,
подобный характеръ неизвестенъ, и молодые лю-
ди страдаютъ только отъ недостатка денегъ. Съ
именами не надо ни имени, ни семи и все можно
зайти. Люблю Аントона чѣмъ Адela казалъ до дикса,
европейская. Олья компромисстуетъ молодому
шенцину и убываетъ ее, чтобы спасти ея reputа-
цию. Наши подождательные времена, если уба-
вить людей, то для того только, чтобы ихъ отгра-
жать, а съ сомнительными репутациями живутъ
хорошо, если есть чѣмъ жить.

Вообще попытка возобновления «Ангелов» предполагала саму неудачливую. «Ангелов» было, однако, такое, что сам автор не мог ее откладывать, ничего лучше. Недавно писал эта была возобновлена в Париже, на одном из маленьких театров и прошла там торжественно, даже сказала, что правительство устроило антракт, чтобы уронить «Ангелов», но в этом таинстве никаких невозможных, а мелодрамы, вестки, не парировало хотя и драма спектакль. Песня чего было и не оправдывала этих выходцев другого времени, не-пронятых для современников.

Дам начав спектакль, возобновили *«La confession d'un enfant du siècle»*, очень умной водевиля, где Неша упрекает в роли человека, считающего всеми образцами семейных добродетелей и оказывающегося отъявленным непорочником, когда ему приходится испытывать в своих тайных прихожах. Для конца спектакля был новый водевиль *«Une dame de lac»*. Сюжет не нов, добродетельная женщина берегет якорь у коготки, чтобы привратить мужа, который начинает скучать дома. Ученица дает звонкий скрип, что решается пуститься в камин. Вряд ли только мужчины будут приятно, если их жены склонятся отчаянными канканерами. Лекция в Дотаже исполнена очень недолго.

Последней французской бенефисной ролью в театре была роль в спектакле «Любовь и ненависть», который состоялся 15 марта 1908 года. В этом спектакле Евгения Борисова сыграла роль влюбленной девушки в поэтическом стиле. Ее исполнение было тепло принято зрителями. После спектакля Евгения Борисова получила много поздравлений и подарков от друзей и коллег.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТИЯ.

Грекобалльский герц. — Бывший городок графии Франции, Фельзевиль, привнесенный в 1866 г. на самоудору, чтобы не разорить своих сограждан, оказал большое измопожертвование и гвердость духа, но мог бы по-поговорить благородство и в свою очередь, погрозить каким-нибудь смиренным, но решительным, потому что он не терял, мага бы погрозить самым притеснителем. В 1815 г. в Франции случились подобные истории. Город Грекобаль был занят австрийцами на него наложили контрибуцию, которую невозможно было выплатить. Генерал граф Буба, сопровождаемый всеми штабами, явился сам к мэру Лавасету и сказал ему:

— Объявляю вамъ г. мэръ, что на вашъ городъ налогона контрибуція въ 40,000 франковъ.
— Генераль, въ городѣ нѣть столько денегъ и притомъ, союзники вошли сюда въ силу трактата и не
имѣютъ права забирать налоги.

— Если через два часа эта сумма не будет выплачена, возразил граф гордо: — то я предамъ городъ рабежу.

— Два часа! вскричала мѣръ: — это очень долго. Я по минуту прикажу быть въ избѣтъ, забѣгну народъ черезъ два часа на улицы Гренобля не будетъ ни

Генераль, переговоривъ тихо со своими офицерами, казаль Лавалету болѣе смягченнымъ тономъ:

— Мы ошиблись въ финансовомъ положеніи города и
и отказываемся отъ контрибуція.

ЛУЧШИЕ СЛОВА ДЛЯ ЛУНЫ, СОЛНЦА И ЗВѢЗДЫ. — Еслибы была возможность устроить железнную дугу на луну, на солнце или на близкайшую звѣзду, то скоростю сорока четырехъ верстъ, или одиннадцати въ часъ можно было бы дѣлать: отъ земли до луны—въ 10; отъ земли до солнца—въ четыреста лѣтъ; отъ земли

Путешествие на луну, солнце и звезды

— Если бы была возможность устроить железнную дорогу на луну, на солнце или на ближайшую звезду, то скорость сорока четырех верст, или одиннадцати вёрст, в час можно было бы добраться: от земли до луны — въ пять часов; от земли до солнца — въ четыреста лѣтъ; от земли

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Москвѣ, 23-го января, отъ воспаленія въ легкихъ, 70-мъ году грузинская царевна Аниа Павловна, супруга царевича Окропирія, нещѣтка послѣдняго грузинскаго царя Георгія XIII, урожденная графиня Кутай-
совъ.

Царевна была известна по уму, образованию и рогат. Она долгое время жила за границей и была в ярких спичечных сюжетах с членами прусского царственного дома, со принцами в прическах аугсбургурских и почте со всеми замечательными людьми XIX столетия. Много времени занимала она позиции и музыкальные сеансы на французском языке и имела большой успех, при некотором ее романсе Елизавета Гогенберг говорила, что это было чудо. Но вспомнила она о том, что когда-то эта романеска была моей написанной. Царевна сказала, что я Москвой, но видела не вымысел, и видела только ее самой в ее блеске. Несмотря на свою временную слабость, она сохранила всю сущность ума, и до степени умела синтезировать из себя любовь и уважение, что многие из званий ее близко, даже молодые, из пособий или из жизни почты парижского национального в ее доме. В дни молодости, у парижской купеческой семьи, она не имела времени для занятий, а в юности большими спичечными галантами, то есть они спичечные не обходилиесь без ее участия. Разъезды, виделись с игрой на двоих спичек, пропадали в то время, покойный великий князь Михаил Львович, скончался, выходя: нос аулон у Mars en juillet. Лицо лично знали покойную царевну, говорили, что царевна осталась записчицами, которым, без сомнения, должны быть очень записчицами, если судить по тому, что она делала в обществе, которым пользовалась царевна.

В Швейцарии, близкое Вене, на 27-м году Иванов назначил Чарльза, директора сельскохозяйственного музея министерства государственных имуществ, членом научного архива и писателем по части геометрии.

Давидъ Брюстеръ, знаменитый англійскій физикъ,

Бестный въ ученомъ мірѣ своими трудами и открытии по части поляризациі свѣтла. Онъ родился въ Ледбутѣ (въ Шотландіи) 1781 г. Съ 1810 года, написавъ нѣколько весьма значительныхъ сочиненій и избравъ рѣд-

Большое значение в географии, она, наверное, должна была уделить упомянутым сложным геохимическим процессам, связанным с образованием и разрушением горных пород, а также с употреблением сложных геохимических методов, которые, казалось бы, должны были бы быть изложены в первом же параграфе, озаглавленном «Геохимия горных пород».

веден в достоянство бороды в 1802 году. Вропъ много занимался также философию и социальными олгитическими вопросами.

Доктор Джон Дэвид МакБридж, принципиальнаго Магдалены в оксфордскомъ университете, профессор арабскаго языка и авторъ многихъ замѣтчательныхъ сочинений. Онь былъ смысъ адмирала МакБриджа

ЧРОДЛЮЩЕСЯ ПИТЕРИ

Междуд Дрезденомъ и Польнишемъ, на правомъ берегу Эльбы, прорасдано прекрасно-расположеніе имѣніе, съ превосходно-отстроеннымъ домомъ, ваннами для при殊ы, прачечными, ваннами, туалетными, спальнями и, если желаютъ, съ полной бирюзовкою. Это имѣніе, приспособленное и превосходно удобное для помѣщанія большаго семейства, заключаетъ въ себѣ всевозможныя виноделии и сады съ превосходными фруктовыми деревьями. Оно славится въ окрестностяхъ своимъ воинческимъ видомъ. Цѣна 40,000 талеровъ. подробности можно узнать у зодчего и нотариуса Штесегера, въ Дрезденѣ (B-r Steeger in Dresden, Amalien-Strasse, № 4.)

РАЗНОГО РОДА ТАНЦЫ.

Кадриль тжизнинъ.

Кадриль серзенны.

Галоп съ уверенностью.

Галоп съ легкостью.

Галоп съ осторожностью.

Галоп съ трудом.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Любители цветовъ и владѣльцы садовъ найдутъ у меня всѣ роды сѣмянъ и могутъ сдѣлать изъ нихъ выборъ по своему вкусу. Этимъ предоставляется имъ возможность убрать свои сады сажмы роскошными и, вместе съ тѣмъ, дешевѣйшими способомъ.

Всѣ сорты сѣмянъ и цветовъ, известные въ ботаническомъ от-
ношении подъ латинскими названіями, могутъ быть обозначены на русскомъ языке. Корреспонден-
цію можно также вести по-руски.

I. Отличный выборъ, состоящий изъ 300 сортовъ лѣтніхъ цветовъ, замѣчательныхъ какъ по
отношению къ блестящимъ краскамъ, такъ и къ ароматическому запаху, а именно: изъ 40 сортовъ
лѣтніхъ звѣковъ, 40 астръ, 16 бальзаминовъ, 16 рыцарскихъ шпоръ, 16 высохшихъ растений, 16
листовыхъ, 24-хъ сортовъ кустарниковыхъ растений, растущихъ на волнистомъ воздухѣ, 12 сортовъ
листовыхъ и 120 различныхъ лѣтніхъ растений можно получить за 10 руб. сер.

II. Выборъ изъ 20 сортовъ лѣтніхъ звѣковъ, 20 астръ, 8 бальзаминовъ, 8 рыцарскихъ шпоръ,
8 высохшихъ растений, 8 листовыхъ, 12 кустарниковыхъ, 6 мальвы и 60 сортовъ различныхъ лѣт-
нихъ растений — за 5 руб. сер.

III. Выборъ изъ 10 сортовъ лѣтніхъ звѣковъ, 10 астръ, 6 бальзаминовъ, 6 рыцарскихъ шпоръ,
4-хъ сортовъ высохшихъ растений, 4 листовыхъ, 6 кустарниковыхъ, 4-хъ сортовъ мальвы и 30-ти
сортовъ лѣтніхъ растений — за 2 руб. сер.

Почтеннѣйшей публикѣ, незнакомой еще съ нашою фирмой, представляемъ слѣдующія удо-
стоѣнія:

«Уже изъ сколько лѣтъ получаю я изъ садового заведе-
ния всѣхъ видовъ и искусственныхъ цветовъ г. Ф. К.
Гейнеманна, изъ Эрфуртъ, разного рода цѣточника
и огородныхъ сѣмянъ и охотно удостовѣрю, что въ теке-
ніи всего этого времени я былъ постоянно доволенъ
присыпками изъ этого заведенія. Всѣ сѣмія его не
оставили ничего желать по отношенію къ ихъ добро-
честности».

Поэтому-то я могу смѣло рекомендовать это заведеніе
всемъ садоводамъ и любителямъ цветовъ.

Замокъ Бранцъ, 26-го июня 1868 г.

Германъ князь Плюккеръ-Мускау.

Изъясненіе изъ декрета прусского министерства отъ
6-го декабря 1865 г.

«Поэтому, я считаю справедливымъ назначить вамъ
большую серебряную государственную медаль, за ваши

Петербургская биржа.

Курсы золота и фунтовъ.

6-го февраля.

Золото, полупиццонаръ	5 руб. 98 к.
Лондонъ изъ 3 звѣсъ	33½ коп.
Парижъ	346½ коп.
Лондонъ	30 шилл. банк.
Берлинъ (русскіе кредитные билеты)	84½ тал. за 90 р.

Курсы главныхъ акцій:

Продажа.	Внѣсъ	Денежный
Железнодорожн.	57½	60 4
Царскосельск.	111	125 6
Рижск.-финляндск.	100	125 5 38
Волжско-казанск.	70	110 5
Московско-рязанс.	145	100 4 14

РЕБУСЪ № 1-8.

Успѣхъ въ садоводствѣ. Отличие это возникло тѣмъ
боѣ, что мы первый получили такую медаль...

Берлинъ, 6-го декабря 1865 г.

Министръ землемѣрія фон-Землеръ.

Изъясненіе изъ декрета саксонскаго великогерцог-
скаго министерства:

«Его королевское высочество императоръ герцогъ саксен-
веймаръ-абензенскій и пр. принялъ милостивое рѣшеніе:
садоводу Ф. К. Гейнеманну, изъ Эрфуртъ, за
его отличнаго поставленія натуральныхъ и искусственныхъ
садовыхъ произведеній, показанныхъ при드리жнымъ вели-
коритонскимъ саксонскимъ поставщикомъ.

Веймаръ, 24-го января 1866 г.

Великогерц.-саксонск. государ. министерство,
департаментъ великоритон. двора и иностр. дѣлъ.
Фон-Вайтербръ.

Адресованъ: Ф. К. Гейнеманну, изъ Эрфуртъ
(F. C. Heinemann, in Erfurt).

5 (8)-3.